

БОРИС РУДЕНКО

ЛОГОВО ЗМЕЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Борис Руденко

Логово змея

«ВЕЧЕ»

2019

Руденко Б. А.

Логово змея / Б. А. Руденко — «ВЕЧЕ», 2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7853-6

Завершить операцию по получению из казны денег на разработку несуществующего месторождения ценного сырья мешает лишь одно досадное обстоятельство. Посланный в сибирскую тайгу геолог не желает участвовать в афере и отказывается фальсифицировать результаты изысканий. Что ж! «Нет человека – нет проблемы»! В таежную глушь отправляется команда ликвидаторов. Но в тайге свои законы, свои пути и счёты между жизнью и смертью... По этому роману известного автора остросюжетной литературы снят популярный сериал с тем же названием, в котором одну из своих последних и лучших ролей сыграл замечательный актер Владислав Галкин.

ISBN 978-5-4484-7853-6

© Руденко Б. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие автора	5
Логово змея	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Борис Руденко

Логово змея

Предисловие автора

Мой старший друг, писатель, историк, философ Еремей Парнов как-то выразился в том смысле, что сегодняшний детектив потерял специфическую оболочку, которая прежде обозначала его среди иных жанров литературы. Оболочка эта, которую условно можно было бы именовать «придуманностью», задавала место действия, круг действующих лиц, среди которых в массе подозреваемых наличествовали герой («хороший») и антигерой («плохой»), а также некую ситуацию, совершенно непредставимую в обыденной жизни. Например, оторванный непогодой от прочей цивилизации старинный замок, в котором к одру умирающего патриарха собирается десяток претендентов на наследство. Или труп с ножом в сердце в запертой изнутри комнате, сжимающий в мертвой руке обрывок бумажки со странным шифром...

У российского читателя подобные завязки действия, перенесенные на сегодняшнюю почву, вызвали бы лишь ироническую улыбку. Какие замки! Какие запертые комнаты! Жестокая, беспощадная реальность – со взрывами, разборками, киллерскими контрольными выстрелами в голову – вторгается в дом каждого с экранов телевизоров, со страниц газет. Потому отечественный детектив сегодня – всего лишь отображение того, что ежедневно происходит за окном каждого потенциального читателя. Попросту говоря, детектив превратился в обыкновенный реалистический роман. Сохранив, конечно, некоторые свои специфические особенности в части выбора главного героя (сотрудник «органов», частный сыщик и т. д.).

Потому и в моих детективах фактически почти нет ничего придуманного, сконструированного, «высосанного из пальца». Практически каждый отдельно взятый эпизод, из которого складывается сюжет, как говорится, имел место быть в действительности. Ну разве что иной раз допускается некоторое (не слишком значительное) преувеличение ситуации. Да и о том упоминаю лишь потому, что всякий раз за время подготовки книги в печать жизнь, реальность выдает такие сюжеты, которые напрочь перекрывают любые попытки автора фантазировать.

Увы, наша жизнь сегодня много фантастичней, запутанней и страшней, чем любой детективный сюжет.

Но именно жизнь дает пищу для книжных построений. Кто-нибудь слышал когда-нибудь про датский, к примеру, детектив? Нет, иногда детективы там пишут. Убил плохой датчанин свою бабушку, и за ним гоняется вся датская полиция. В конце ловит, конечно. А больше в благополучной, сытой, тихой Дании ничего не происходит. Поэтому датчане свои детективы не читают. Они читают американские – про гангстеров и всесильную мафию, вздрагивая от книжных ужасов у теплого камина. А потом пьют пиво, едят бифштексы и ложатся спать.

Мы тоже прежде предпочитали американские, потому что в СССР преступник был «... один, совсем один, а со мною (милиционером) вся моя страна!» – да их тогда вообще мало печатали. Но теперь у нас все есть свое, родное – и гангстеры, и продажная власть, и мафия покруче, чем в Америке. Вряд ли в этом заключен предмет для национальной гордости, однако это факт.

Потому, открывая эту книгу, примите как данность: все, что описано тут, либо уже произошло, либо могло произойти, либо – увы! – еще вполне может случиться.

Но детектив пишется не только для того, чтобы развлечь читателя, погладив его по напряженным струнам души. Преступление отвратительно; преступник – человек, сознательно причиняющий зло своему ближнему, – отвратителен бесконечно. Да и не человек он вовсе, как мне все чаще кажется. И если читатель хоть ненадолго взглянет на происходящее моими гла-

зами, хоть на минуту разделит со мной мою боль за огромное число униженных и оскорбленных властвующим и безнаказанным сегодня криминалом, мой гнев от нежелания государства прийти своим гражданам на помощь, мою надежду, что это все же когда-нибудь произойдет, – свою задачу я, как автор, буду считать выполненной.

Засим – прощаюсь до новых встреч.

Логово змея

– Все это мне очень не нравится, Глеб, – нервно проговорил молодой мужчина с короткой светлой бородкой на обожженном солнцем до красноты лице. – С самого начала не нравилось, а теперь и вовсе. Сколько можно заниматься ерундой?

– Насчет того, что с самого начала, ты бы, Серега, лучше не говорил, – отозвался его спутник. Он выглядел несколькими годами постарше и представлял определенный контраст товарищу. Кожа его была покрыта ровным коричневым загаром, а подбородок тщательно выбрит. – Как-то не ко времени. Аванс получен, да и потрачен наверняка. Разве нет?

Они сидели под скальным выступом, обросшим клочковатым мохом на всю четырехметровую высоту вплоть до свисающих с вершины корней кустарника. В естественном углублении почвы у самой скалы, укрытый от порывов ветра догорал небольшой костерок.

– Конечно, потрачен! – отмахнулся Сергей. – А ты не потратил? Я таких денег с начала перестройки в руках не держал. Весь долгами оброс, аки старый пень мхом. Но позориться за них мне уже надоело. Тут же где ни копни – очевидная пустышка. Нет тут ничего! И никогда не было. В чем, собственно, дело? Или у них изначально были неверные сведения (в чем я теперь все больше сомневаюсь), или же они надеялись, что мы вообще разучились в поле работать. Так послали бы первокурсников! Все равно результат был бы тот же. Неужели тебе еще не ясно, что их великое открытие просто очередная «панама»?

– Люди могли ошибиться, – вяло и неубедительно возразил Глеб. – Принять желаемое за действительное.

– Слушай! – воскликнул Сергей. – Мы с тобой об этом сто раз говорили. Но сейчас я не о том. Спутники наши мне не нравятся, вот что. Чем дальше, тем больше.

– Обыкновенные работяги, – сказал Глеб. – Чего от них требовать? Чтобы Гегеля цитировали? Ну, тюрьмой от них пахнет за версту, это ясно. Я вообще не помню, чтобы в партии хоть одного ранее судимого не было. А где нормального возьмешь, чтобы поперся на все лето в тайгу гнуса кормить?

– Все это так... Ты знаешь, как этот Семен на меня сегодня утром посмотрел, когда я ему велел посуду как следует помыть? Как змея на лягушку. К тому же с поганой ухмылкой.

– Я бы на тебя тоже так посмотрел, – рассеянно пробормотал Глеб. – С посудой, знаешь, не ко всякому можно подойти... Месяц тут болтаемся, надоели друг другу. Это естественно.

– А если в один прекрасный момент он тебя топором по башке шарахнет – тоже естественно?

– Не надо до крайностей доводить. – Глеб пожал плечами. – Умей договариваться. Даже с этим криминальным люмпен-пролетариатом. У меня лично с ними проблем не возникало.

– Ты меня не хочешь понять... Понимаешь, мне иногда кажется, что они не просто работяги.

– А кто же?

– Черт их знает! Вот кажется: неслучайно они с нами. Вчера я видел, как Сенька возле рации крутился. Зачем ему рация? Что-то у них там свое на уме, явно не слишком хорошее. А что – не пойму!

– У каждого свое на уме, если ум есть. – Глеб поднялся, аккуратно затоптал тлеющие угли и набросил на плечи лямки рюкзака. – Ну, с обедом мы закончили. Давай двигаться. Слушай-ка! Давай-ка сегодня поделимся. Хочу я все же ту лошину пощупать.

– На кой черт она тебе сдалась? – осведомился Сергей. – Там по плану вообще рудных выходов нет.

– Ну и пусть. Вот хочется – и все. Чтобы душа успокоилась. Давай, ты действуй по плану, а я помимо. Отлучусь на часок-другой. Встречаемся у лодки в... в половине пятого. Договорились?

Сергей поскреб бородку и посмотрел на доступный взгляду участок неба меж сопок.

– Как бы ливень не грянул. С утра парит. И марь какая-то начинается.

– Ну и грянет! Промокнуть – не растаять, в крайнем случае под лодкой пересидим. В общем, я пошел.

Он начал спускаться в распадок, отодвигая с пути ветки деревьев длинной ручкой геологического молотка. Через пятнадцать минут ходьбы он был на месте. Лощинка с довольно крутыми каменистыми склонами была почти чистой от растительности. Лишь на самом дне рос невысокий кустарник, почти не затруднявший ходьбу геолога. Некоторое время он неторопливо шел по дну, вглядываясь в склоны, затем поднялся чуть выше и несколько раз стукнул по скале молотком. Осмотрев отбитый осколок, равнодушно отшвырнул его в сторону и двинулся на другое место. Через пятнадцать – двадцать шагов снова остановился и повторил операцию. Проба вновь не заинтересовала его, тогда геолог принялся перемещаться вверх по склону. Путь ему преградил широкий язык щебенчатой осыпи. Геолог осторожно сделал шаг-другой, и тут осыпь ожила. Камни потекли из-под ног, геолог с криком прыгнул, пытаясь достичь противоположного края осыпи, но не сумел, не удержался на ногах, хлопнулся на ягодицы и покатился вниз. К счастью, скольжение оказалось недолгим, чихая и кашляя от вставшей облаком пыли, геолог выпростал руки из лямок рюкзака, с кряхтением перевернулся на четвереньки и встал на ноги. Он отделался всего несколькими ссадинами на обнаженных до локтей руках. Да и оброненный молоток сразу нашелся – лежал совсем рядом, только руку за ним протянуть.

Где-то неподалеку хлопнул винтовочный выстрел. Геолог удивленно повертел головой, но точное направление определить не смог: склоны лощины многократно отразили затихающее эхо. Он еще послушал немного – вокруг стояла тишина. Пожав плечами, он вновь принялся карабкаться вверх. Достигнув намеченной точки, внимательно огляделся и слегка присвистнул. Съехавшая часть осыпи открыла скальное основание, на котором ясно выделялся широкий слой породы, игравший на солнце тысячами ярких блесков.

– Этим нас не удивишь, – весело сказал геолог. – Видали мы и не такие обманки.

Тщательно прицеливаясь, он сделал несколько ударов молотком. Поймал отвалившийся кусок породы и поднес к самым глазам.

– Бог ты мой! – Голос его немного охрип от волнения. – Не может быть...

Осторожными ударами он разбил камень на несколько частей и с одинаковым восторженным вниманием изучил каждый. Еще примерно полчаса он работал, определяя границы рудного языка. Потом присел на выступ скалы и некоторое время тщательно записывал результаты в рабочую тетрадь. Закончив, аккуратно упаковал ее в водонепроницаемый пакет, в котором по давней профессиональной привычке хранил спички и личные документы. Оставалось собрать несколько образцов породы, когда сверху скатилось несколько мелких камешков.

– Ну, нашел что-нибудь толковое? – раздался над ним хрипловатый голос, заставивший геолога слегка вздрогнуть от неожиданности.

– Семен! Фу ты, черт! Так насмерть перепугать можно, – сказал Глеб. – А чего ты сюда забрел? Да еще с ружьем? Охотишься, что ли? Это ты стрелял?

– Я стрелял, – подтвердил тот.

– Ну и что же? Промазал?

– Почему? – Семен усмехнулся, и его усмешка геологу совсем не понравилась. – Я не промахиваюсь.

– И где же добыча? – продолжал Глеб расспросы все тем же беззаботным тоном.

– Там валяется, – сказал Семен. – Вылезай, поможешь тащить.

Прозвучал мощный рокочущий звук. Он был уже совсем не похож на выстрел – грохотали небеса. Их стремительно затягивали низкие сизые тучи. Непогода в этих местах всегда приходила внезапно. Тучи еще не успели закрыть солнца, светившего с голубой половины небосвода, но в воздухе уже пронесся первый порыв ветра, наполненного холодом и влагой.

– А где Сергей? – спросил геолог. – Ты Сергея позови, он тут неподалеку. Пусть тебе поможет. А мне еще немного поковыряться нужно.

– И Серегу позовем. – Семен приподнял оружие, повернув ствол в сторону геолога. – Вылезай, кому сказано. Мне сейчас ты нужен.

– Не шути, Семен, – неубедительно произнес геолог. – Убери ружье, тебе говорю!

– Вылезай! – В голосе Семена прорезалась злоба, он вскинул ружье к плечу.

– Ты что, свихнулся? – пробормотал Глеб.

– Я сказал: вылезай. – Ствол винтовки смотрел в грудь геолога. – Тогда не трону. А то положу тебя и сам спущусь.

– Хорошо-хорошо. – Глеб покорно поднял руки и начал подниматься. Но чтобы достигнуть верха, ему опять требовалось ступить на тот же предательский язык осыпи. На этот раз он медлил лишь одно мгновение, а потом прыгнул в самую середину осыпи обеими ногами, погрузившись в щебень почти по щиколотки. С оглушительным треском совсем рядом ударила молния, ослепив на мгновение и Семена, и геолога, и вместе с небесным грохотом оползень начал скользить вниз. Когда зрение Семена восстановилось, под собой он увидел лишь пыльное облако. Растерянно двигая из стороны в сторону стволом, он пытался отыскать мишень.

Глеб тем временем поспешно скинул рюкзак, откатился в сторону под прикрытие склона, тут же вскочил и бросился к выходу из ложины. Прозвучавший за спиной выстрел не испугал его, лишь заставив прибавить шаг – сейчас Семен не мог его видеть и стрелял не прицельно. Геолог понимал, что свихнувшийся Семен, скорее всего, помчится по верху, пытаясь перехватить его до начала густого подлеска. Семен имел для этого шанс: на своем пути геологу надо было сделать два поворота, огибая скалы, тогда как преследователь шел напрямую, легко проламываясь сквозь низкий кустарник. Это полностью сводило на нет первоначальное преимущество.

Но тут в неравное состязание мощно и властно вмешалась природа. Ревущий, исчерченный молниями поток воды хлынул с неба, мгновенно смазав перспективу, а потом и напрочь лишив мир объема. Последний десяток метров до леса геолог двигался почти на ощупь, бесконечно благодарный за слепоту, поразившую все сущее вокруг.

Лес принял его под защиту, теперь геологу приходилось двигаться медленнее, чтобы не оскользнуться на мокрой подстилке из опавшей хвои. Сейчас, в полумраке разразившейся бури, он не боялся заблудиться: верную дорогу к реке и оставленной лодке указывал наклон рельефа. Он не сомневался, что преследователь тоже спешит в том же направлении – иного пути у него просто не было, но теперь Глеб восстановил фору и к берегу выбежал первым. Здесь в крохотной бухточке стояли оба судна их экспедиции – деревянная моторка, на которой они с Сергеем добирались сюда, и надувная лодка, что привезла Семена.

Он прыгнул во взбаламученную ливнем воду, выталкивая моторку на стремнину, уже забираясь в нее, подумал, что оставлять Семену вторую лодку не следовало, но поток уже подхватил и понес его прочь. Глебу показалось, что он увидел позади темную фигуру, ломящуюся к берегу сквозь кусты, но в следующий момент бухта скрылась за мыском. Глеб несколько раз дернул стартер подвесного мотора – бесполезно, свечи были залиты водой. Базовая стоянка находилась выше по течению, но Глеб понимал, что пути туда нет. Сейчас он хотел лишь одного: оказаться как можно дальше от свихнувшегося рабочего экспедиции, который зачем-то ранил или убил Сергея и хотел убить его самого.

Стихия грохотала, ливень бичевал реку плотными непрозрачными струями, сократив видимость до десятка метров. Глеб знал, что впереди по течению начинаются пороги. За ними

противоположный берег становится пологим и пригодным для причаливания. Туда он сейчас и стремился, там он укроется, переждет бурю, а потом решит, что делать дальше... Сжимая в руках весло, он старался сейчас держать лодку ближе к середине реки, напрягая глаза, вглядываясь в крутую мглу непогоды, освещаемую лишь частыми вспышками молний, но все равно не сумел разглядеть мчащийся на него каменный клык, спрятанный вздувшимся потоком. От сильного толчка Глеба бросило на борт, лодка накренилась, хлебнула воды и опрокинулась...

* * *

Повод, по которому Шавров зашел в кабинет Радзина, был мелким и несущественным. Шавров и сам был в состоянии решить этот вопрос, не отнимая драгоценного времени шефа, однако Радзин терпеливо слушал, кивал, соглашался, потому что уже чувствовал: главное Шавров скажет в самом конце. Так оно и случилось.

– Да! – сказал Шавров, уже словно бы собираясь уходить. – Должен вас огорчить. С экспедицией, кажется, произошло несчастье.

– Что такое? – подобрался Радзин.

– Подробностей я пока не знаю, но во время бури их лодка перевернулась на порогах. Оба наших геолога и рабочий погибли. Второй рабочий спасся лишь каким-то чудом. Намыкался, бедняга, пока добрался до человеческого жилья...

– Печально, – пробормотал Радзин. – Очень неприятное известие... И... ничего не уцелело?

– Рабочему удалось вытащить планшетку с полевыми картами и дневником. Молодец, он ее не выбросил, вынес из тайги. Скоро документы переправят в Москву.

– Печально, – еще раз сказал Радзин. – Ну что ж, к сожалению, ни одно большое дело не обходится без жертв. У погибших были семьи?

– Я сейчас это выясняю.

– Выясни, пожалуйста, – распорядился Радзин. – И найди приемлемую форму чтобы хоть как-то компенсировать утрату...

Они поговорили еще немного, и Шавров ушел, а Радзин, подойдя к окну, долго смотрел на улицу, заполненную машинами и спешащим народом. Сквозь герметичные оконные переплеты внутрь не проникал ни единый звук, жизнь за окном текла безмолвно, как в немом синематографе.

– Ну что ж! – сказал он вслух. – Значит, так и должно быть! Ничего не поделаешь.

Наклонился над аппаратом внутренней связи и приказал секретарше:

– Принесите мне кофе, пожалуйста!

* * *

Хотя солнце поднялось высоко, дувший с гор ровный ветер нес прохладу, и Глебу в теплом стеганом халате было совсем не жарко. Под звонкое журчание потока он не то чтобы задремал, а словно задумался ни о чем и пропустил поклевку. Кончик удилища сильно согнулся и тут же со свистом распрямился. Глеб запоздало дернул. Пустой крючок без сопротивления вылетел из воды, описав над его головой замысловатую траекторию.

– Ч-черт, – пробормотал Глеб, пытаясь его поймать, не засадив при этом острие в ладонь. За спиной раздался тихий смех.

– Опять заснул, Йока? Смотри, в воду упадешь – в другой раз Эрлик-хан тебя так просто не отпустит. И Сихэрче больше не сможет помочь.

Глеб коротко оглянулся и положил удилище.

– На воду загляделся, – смущенно пробормотал он. – Давно поклевки не было. А ты чего крадешься, Иван?

Тот подошел и сел рядом на камень. Выдубленное солнцем и ветром лицо лучилось улыбкой, агатово-черные узкие глаза лукаво поблескивали.

– Много поймал?

– Да вон... – Глеб кивнул на прижатую камнем сетку, в которой вяло шевелились несколько среднего размера тайменей.

– Да ты настоящим рыбаком стал, – сказал Иван, но Глеб не понял, одобрение ли содержала эта фраза или необидную усмешку. – Пойдем, Йока, лодку смолить поможешь.

Глеб поднялся и принялся сматывать леску.

– Потом в город поплывем? – спросил он словно бы в шутку, но одновременно с тайной надеждой.

Иван шутку оценил по достоинству и охотно рассмеялся.

– Город далеко, Йока, туда на одной лодке не доедешь, на лодке только до фактории, дальше нужно пешком идти, а тебе ходить много еще нельзя, Сихэрче говорит, что ты еще слабый. Снова заснуть можешь, что тогда делать?

– Какой черт слабый! – недовольно возразил Глеб. – Скоро весь жиром обрасту.

– Сихэрче слушать надо, – наставительно произнес Иван. – Он лучше знает.

Они двинулись по тропинке, постепенно поднимающейся вокруг утеса на высокий каменистый берег, словно спиральный пешеходный пандус. Глеб старался не отставать от легко шагающего Ивана и к концу подъема изрядно запыхался, что не укрылось от спутника.

– Слабый ты еще, – подтвердил тот свое заключение. – Отдыхать и лечиться нужно, медвежий жир кушать.

– Меня от медвежьего жира твоего уже тошнит, – возразил Глеб. – Сколько можно?

– Сколько нужно, – ответил Иван. – Сихэрче знает...

С того дня, как Глеб поднялся на ноги и впервые вышел на улицу, он пытался уговорить Ивана помочь добраться в райцентр, уверяя, что дальше прекрасно справится с остатками болезни самостоятельно, на что всякий раз получал вежливый, но решительный отказ с одинаковой мотивацией: ехать далеко и трудно, потому нужно сначала окончательно выздороветь.

Они перевалили через невысокий каменный гребень и начали спускаться к поселку. Порыв ветра принес запах дыма и какой-то вкусной мясной еды. Глеб понял, что успел проголодаться.

– Чевалковы праздник готовят, – словно отвечая на его мысли, сказал Иван. – У их Галины сегодня свадьба. Вечером гулять будем.

– За кого она замуж выходит? – рассеянно спросил Глеб. – Не за Ыльчина?

– Верно, верно, – кивнул Иван. – За него.

– Так что же они, в загс поедут или как?

– Все будет как положено, – сказал Иван. – Все по закону. Паштык¹ бумагу напишет и поставит печать. И в церкви их обвенчают. Мы разве дикие какие?

– Да никто и не говорит, – разочарованно пробормотал Глеб. Слабая надежда увязаться вместе с молодоженами в центр цивилизации завяла, не родившись. – Что, и шаман плясать будет?

– А как же! Разве можно такое дело без Сихэрче!

– Что-то я вас не понимаю, – не удержался Глеб от иронии. – С одной стороны, вы все вроде православными себя называете, с другой – без шамана шагу не ступите.

¹ Паштык – староста.

– Очень просто понять, – снисходительно ответил Иван. – Иисус Христос за душу отвечает, так? А ульгени² за все остальное: за здоровье, за погоду, за землю и воду, за животных. У одного Бога за всем глядеть глаз не хватит, разве не верно? Ульгени за всем смотрят и Бай-Ульгенью докладывают. Поэтому отец Акинфий с Богом говорит, а Сихэрче – с Бай-Ульгением.

– А Бай-Ульгень непосредственно Богу отчитывается, да? – пожелал уточнить Глеб. – Или как?

– Когда надо, то все отчитываются, – несколько туманно изрек Иван и поспешил переменить тему: – Утром Анна заходила, про тебя спрашивала. Что-то часто она ходить стала, а, Глеб? Понравился ты ей, наверное, как думаешь?

Анна – смуглая, ладная, белозубая, была вдовой промысловика, сгинувшего без вести в тайге за год или два до появления Глеба в поселке. Глеб и сам чувствовал повышенное внимание с ее стороны к собственной персоне, но шутки Ивана на эту тему его несколько смущали.

– Анна – хорошая женщина, – произнес он сдержанно и максимально нейтрально.

– А то женись на ней, Йока, – продолжал рассуждать Иван, хитро посверкивая глазами. – Тоже свадьбу сыграем.

– Что-то ты сегодня такой веселый, Иван! – с досадой сказал Глеб.

– Потому что праздник! Ладно, не обижайся, шучу...

Они закончили конопатить и смолить лодку к обеду, потом долго отмывались в загодя растопленной женой Ивана баньке и, наконец, распаренные и довольные, неторопливо отправились к двору Чевалковых, уже полного ожидающих начала торжества гостей.

Село Тангуш насчитывало около шести десятков домов. Люди, которые жили здесь с незапамятных времен, называли себя теленгерами. Это была крохотная алтайская народность, о существовании которой Глеб до сей поры никогда не слышал. Разговаривали они как по-русски, так и на своем наречии, сильно напоминающем татарский язык. Впрочем, по-своему говорили меньше, в основном старики, хотя младшие поколения родной язык тоже понимали. Располагалось село в излучине реки, холодной и быстрой, как все сибирские реки. Те, кто основал когда-то этот поселок, выбрали место на редкость удачно. От господствующих зимой холодных северо-западных ветров его защищала высокая каменная гряда, образующая один из берегов излучины, а влага стремительной чистой воды со стороны другого, более низкого берега отгоняла комаров и гнуса, удерживая бесчисленные стаи кровососущих тварей на границе леса. Лес начинался в полутора километрах от околицы через заливной луг, с травами по пояс, который использовался всеми селянами как общественный выпас. К селу не вели никакие дороги или просеки. И летом, и зимой сообщение с другими очагами человеческой жизни осуществлялось только по реке – по воде или по льду. В селе не было даже постоянного снабжения электричеством: дома освещались лишь по вечерам, с шести до двенадцати, когда запускался работающий на солярке электрогенератор. Зато было телевидение и даже видеоманитофоны – почти в каждом доме, хотя смотрели их нечасто.

За все время пребывания в Тангуше Глеб ни разу не видел здесь никаких гостей из большого мира. Иван рассказал, что за необходимыми товарами – горючим, оружейными припасами, сахаром, мукой и солью и прочим – селяне отправлялись по реке дважды в год, весной и в начале зимы невесть в какую даль к фактории. Туда в это время приходила плоскодонная самоходная баржа из областного центра с товаром, приезжали государственные и частные скупщики меха, элеутерококка и других даров природы, добытых аборигенами. В остальном же жители села полностью обеспечивали себя самостоятельно – на то были огороды и домашняя живность. К тому же тайга кормила щедро. В областной центр Андалинск, до которого от фактории на пароходе нужно было плыть еще почти целый день, вообще мало кто из селян добирался.

² Ульгени – духи-небожители в религии некоторых алтайских и саянских народов. Бай-Ульгень – верховный дух.

Несколько лет назад тангушцы осенью отправляли своих детей на всю зиму в школу-интернат, однако с наступлением новых времен, когда на отопление школы и питание детей власти окончательно перестали выделять деньги, практика эта прекратилась. Обучением детей на общественных началах занимались местный священник отец Акинфий и жена одного из селян, работавшая прежде бухгалтером в районе.

Областные и районные власти о селе Тангуш не то чтобы совсем позабыли, но вниманием не баловали, на что селяне ничуть не обижались. Не появлялся здесь ни участковый милиционер, ни налоговый инспектор, никакое иное официальное лицо. Да и что бы они тут делали? Преступлений в Тангуше (по крайней мере таких, о которых слышали за его пределами) не совершалось десятилетиями, доходов аборигенов сосчитать не удалось бы никому. Правда, три года назад во время выборов прилетела на вертолете целая команда, но событие это было позабыто селянами сразу после того, как кончилась привезенная агитаторами даровая водка и свежий хлеб. К слову сказать, городской хлеб тангушцам не понравился: спокон веку они предпочитали свой, домашний.

Была в Тангуше и связь с большим миром – старенькая рация в единственном общественном доме, служившем офисом бессменному старосте-паштыку – крепкому старику Турыеву и одновременно школой в зимний период. Хотя, как понял Глеб, связью этой пользовались тоже не слишком часто.

Вот и все в основном, что он успел узнать о селе и селянах за полтора месяца с того дня, когда неожиданный и резкий поворот судьбы забросил его в эти забытые Богом и властью места.

Сорок дней назад Иван нашел на берегу реки Глеба, лежащим без памяти, и привез в село. Что произошло предшествующим грозным днем, Глеб объяснял весьма приблизительно. Скорее всего, его лодка натолкнулась в кромешной темноте бури на скалу, его выбросило за борт, он ударился головой о камень и в полубессознательном состоянии сумел каким-то образом доплыть до отмели, где сознание покинуло его окончательно. Иван привез его так и не пришедшим в себя, в бреду, с сильнейшим воспалением легких, балансирующим на тонкой грани жизни и смерти. Очнулся Глеб лишь через две недели, успев за это время получить у жителей села прозвище Йока – спящий. Он был здесь чужаком, но приняли его на удивление дружелюбно. Порой Глеба слегка смущало радушие, с которым относились к нему совершенно незнакомые прежде люди. Существовало, правда, одно исключение. Не раз и не два Глеб встречал напряженный и хмурый взгляд Акима Донгарова – невысокого, крепкого охотника лет сорока. Глеб спросил как-то Ивана о причинах неприязни, но тот лишь беззаботно махнул рукой: мол, не бери в голову. Впрочем, Глеб и сам догадывался, что отношение Акима к нему как-то связано с Анной...

По всей видимости, более всего он должен был благодарить за исцеление местного шамана Сихэрче, не отходившего, по словам Ивана, от его постели в течение многих ночей. Сихэрче вовсе не был первобытным шаманом и отнюдь не отвергал достижений современной медицины. К тому же Сихэрче имел образование фельдшера. Он исправно потчевал Глеба антибиотиками, дополняя курс лечения отварами трав, медвежьим жиром, всевозможными растираниями и паровыми банями. Так или иначе, духи подземного мира постепенно сняли свои притязания на тело и душу больного. Глеб начал медленно поправляться.

* * *

Наряды молодых выглядели потрясающе. Ыльчин был одет в ярко-зеленый халат-сырмал и туго подпоясан многоцветным тканым поясом. Длинное атласное платье Галины имело нежно-голубой цвет, на плечи накинута малиновый легкий кафтан. Они стояли посреди двора с

торжественно-серьезными лицами, держась за руки, а вокруг них, ритмично ударяя колотушкой в бубен, медленными мягкими шагами кружил Сихэрче.

– Дуп! Дуп! – глухо звучал бубен.

– У-м-м-м! Хум-м-ма-а, – выговаривал Сихэрче низким голосом в такт ударам.

Постепенно его движения ускорялись, удары зазвучали чаще, Сихэрче то поднимал бубен высоко к небу, то, наклоняясь, опускал к самой земле, совершая быстрые обороты вокруг собственной оси, Глеб обнаружил, что, как и большинство присутствующих, неосознанно покачивается в ритме шаманского танца.

– Дуп! Дуп! Дуп!

– У-м-м-м! Хум-м-ма-а! У-м-м-м!

Бубен бил все быстрее, полы халата Сихэрче стремительно летали из стороны в сторону, голос звучал громче, выше и вдруг, на какой-то неожиданной вибрирующей ноте все разом смолкло. Сихэрче застыл на месте с широко разведенными руками, постоял секунду – и тут же пошел в сторону, утирая вспотевшее лицо сорванной с головы шапкой. Камлание закончилось, но аплодисментов не последовало – не танец это был вовсе. Гости деловито зашумели и принялись усаживаться за стол.

Сочетание двух религий не мешало селянам хорошо выпить при случае, хотя, насколько сумел понять Глеб, пьяниц в Тангуше не было ни одного. Пили тут самогон и спирт, настоянные на таежных травах и разведенные брусничным соком. На столе стояли огромные блюда с кусками вареной баранины и конины, жареной рыбой, рассыпчатым картофелем, свежими овощами, черемшой и соленьями. Усевшись, Глеб обнаружил, что слева от него занял место Иван, а справа – Анна. Хорошенькая вдова сидела, выпрямив спину, и строго смотрела прямо перед собой, будто бы и не замечала Глеба.

Подняли первый тост за молодых, Глеб чокнулся с окружающими и опрокинул в себя большую рюмку остро пахнущего жгучего напитка. Потом был второй тост и третий... Спиртное подействовало на него очень быстро – то ли с усталости, то ли после бани, а может, просто потому, что Глеб действительно был еще слаб. Разговоры вокруг вмиг слились в общий гул, лица соседей по столу слегка смазались. Глеб и сам что-то говорил Анне, наклоняясь к ее уху, и она отвечала, поворачивая к нему свое лицо, на котором выражение строгой неприступности иногда сменялось быстрой улыбкой.

– Ну что, остаешься, Йока? – весело хлопнул его по плечу Иван.

– Я бы хотел, – совершенно искренне ответил Глеб. – Да только мне ехать надо. Пора уже. Слушай, Иван, отвези меня завтра, а?

– Завтра никак не могу, – помотал Иван головой. – Завтра дел много будет и послезавтра тоже. Куда тебе торопиться? Живи в свое удовольствие. Лучше завтра рыбу пойдем в омутах брать.

– Мне ехать надо, Иван, – пьяновато уговаривал Глеб.

– Сихэрче сказал: рано еще, – сказал Иван, как отрезал, и Глеб обиделся.

– Да кто он такой, твой Сихэрче? Почему он тут меня держит. Вот сейчас пойду и все ему скажу. – Он решительно стряхнул с плеча руку пытавшегося удержать его Ивана и выбрался из-за стола.

Сихэрче сидел в дальнем конце. Меланхолично работая челюстями, он удостоил Глеба короткого взгляда и вновь полностью углубился в процесс поглощения пищи. Внешность у Сихэрче была весьма запоминающаяся. К лысому, правильной формы черепу плотно прижались уши, чуть вытянутые в верхней части, словно у дикого животного. Глаза хотя и имели характерный для местных жителей монголоидный разрез и эпикантус, но были необычайно большими. Сихэрче был худ и длиннорук, что отнюдь не создавало впечатления неправильности или непропорциональности сложения, напротив. Тело его словно просто было создано по другим законам, отличным от привычных человеку, но находящимся в полной гармонии с при-

родой. Движения Сихэрче были легки, точны и стремительны. Если бы Глеб бы кинорежиссером, он бы непременно пригласил Сихэрче постоянным исполнителем ролей инопланетян.

– Здравствуй, Сихэрче, – сказал Глеб, плюхаясь на соседний стул. – Извини, если помешал.

– Ты мне не мешаешь, как можно?! – возразил Сихэрче. – Какая, однако, вкусная сегодня баранина. Галина сама готовила. Повезло все же Ыльчину!

– Хотел с тобой поговорить, Сихэрче. Я тут уже два месяца. Загостился, как говорится... Пора бы и домой возвращаться. Ты бы мне не мог помочь?

– Почему я? – удивился Сихэрче. – У меня и лодки-то нет. Попроси Ивана, или Ыльчина, или пусть староста наш кому-нибудь прикажет тебя отвезти. Только эта дорога длинная.

– Ты со мной шутишь, Сихэрче. – Глеб хитро прищурился и погрозил пальцем. – Иван говорит: Сихэрче не велит везти, пока не поправится. И Ыльчин то же самое скажет, и паштык тоже. Они здесь все тебя слушают.

– Правильно Иван говорит, – кивнул Сихэрче. – Тебе еще долго нужно поправляться. Сильная у тебя была болезнь, очень сильная!

– Так сколько же можно! – заволновался Глеб. – Еще месяц – и зима начнется. Что же мне тут до следующей весны сидеть? Нет уж, я дома долечиваться стану.

– Послушай меня, Йока. – Сихэрче ласково коснулся его локтя. – Поверь, я знаю, как для тебя лучше. Не торопись, не нужно. Что такое год, если речь идет обо всей жизни?

– Но я все же взрослый человек. – Глеб потихоньку начинал злиться. – Я могу сам своей жизнью распорядиться или нет?

– Конечно, можешь, – немедленно согласился Сихэрче. – Но, если ты распорядишься ею неправильно, я буду очень жалеть. Вся деревня будет сильно жалеть. К тебе тут привыкли, тебя все полюбили. И Иван, и Анна...

– При чем тут Анна? – пробормотал Глеб, слегка сбитый с толку. – Ты пойми, Сихэрче, мне возвращаться нужно, потому что у меня дома важные дела. Очень важные!

– Понимаю, – с готовностью наклонил тот голову. – Но ты меня еще раз послушай. Сейчас тебе скажу очень важное для тебя. Не хотел раньше говорить, а теперь вижу – придется...

К их концу стола нетвердой походкой приблизился кто-то из селян в намерении присесть, но Сихэрче взглянул на него недолгим взглядом, и человек тут же отошел.

– Пока ты лежал без сознания, к нам милиция приезжала, – сказал Сихэрче, понизив голос. – Вверху по реке нашли двоих мертвых.

– Что? – Глеб напрягся. – Мертвых? Кто, кто эти люди?

– Их вода на камни выбросила, – продолжал Сихэрче, – почти там же, где и тебя Иван нашел. Оба одеты как геологи, но без документов.

– Не может быть... – пробормотал Глеб. – Что с ними случилось?

– Милиция спрашивала: не видали ли мы чужих людей? – Сихэрче оставил его вопрос без ответа. – Мы все сказали: никого не видели, никто к нам не приходил.

– Почему так сказали? – спросил Глеб.

– Потому что никто из нас в чужую жизнь не хочет вмешиваться. Кто ты, зачем здесь – мы тогда ничего не знали, да и сейчас не спрашиваем. Разве не так? И про тех двоих тоже...

– Да я же ничего не скрывал, Сихэрче, – взволнованно сказал Глеб. – Я же тебе все рассказывал. Я своих спутников потерял за несколько дней до того, как эта гроза случилась. Но если это действительно они, мне тем более нужно ехать! Как можно скорее!

– Неправильно рассуждаешь, – покачал головой Сихэрче. – Если те мертвые – твои спутники, тебе как раз лучше здесь пожить подольше. Они не утонули, нет. Их из карабина убили.

– Из карабина? – ошеломленно переспросил Глеб. – Кто? Зачем? Нет, не может быть! Это не они!

– Не знаю, может, и не они, – согласился Сихэрче. – Но только в тайге в последнее время много недобрых людей ходит.

– Постой! – внезапная мысль заставила Глеба вздрогнуть. – Неужели ты думаешь, что я мог?..

– А я тебя не спрашиваю. Ты что помнишь рассказал и что хотел – рассказал. Только вот милиция у нас на выводы скорая. И мимо милиции ты никак не пройдешь. Тайга большая, а все друг друга знают, чужой незамеченным до большого города не доберется.

– Но я же... – попытался спорить Глеб, но в этот момент к ним подошла Анна.

– Пойдем танцевать, Глеб, – с улыбкой сказал она.

– Да я ваши танцы танцевать не умею...

– Иди, Йока, – поощрительно произнес Сихэрче. – Анна тебя научит.

Глеб махнул рукой и решительно поднялся.

– А, ладно! Пойдем!

Перед тем как войти в круг танцующих, оглянулся. Сихэрче неподвижно смотрел ему вслед. В его больших, выпуклых глазах, будто лемурих издали, поблескивал отсвет фонарей.

* * *

Замыслы всех великих дел – добрых или злых, как правило возникают отнюдь не за рабочим столом и не в служебное время. Почему? Кто знает! Может, потому что возникновению этих замыслов должно предшествовать некое состояние раскрепощенности духа? Ощущение полной свободы разума (и совести) от чего бы то ни было?

У Радзина подобные озарения происходили на даче. Неважно – собственной или приятелей, главное, чтобы там было тихо, покойно, уютно. И обязательно в полностью устраивающей его комфортной компании. Семья для этого не годилась. Радзину непременно нужно было окружение, внимающее его словам. Собеседники должны были с ним немного спорить, чтобы Радзин мог уловить слабые стороны свежей идеи и тут же, на ходу, доработать. Но спорить совсем чуть-чуть – излишний азарт всегда уводил в сторону от главного.

Так было и в тот самый день. И хотя формально эта идея впервые возникла не у Радзина, а в мозгу хозяина дачи, Радзин считал, что по праву делит авторство, потому что понял ее смысл мгновенно, гораздо лучше хозяина, ухватил, развил, доработал, довел до такой степени совершенства, которая хозяину дачи была попросту недоступна.

Идея родилась очень своевременно. Не то чтобы финансовое положение корпорации Радзина было уж очень тяжелым – нет! Еще оставались некоторые резервы, незадействованные возможности... Но оно было непростым и неустойчивым. Впрочем, как и все в государстве. Ничтожная гирилка на любую из чаш весов фортуны могла поднять Радзина в небесные выси или, напротив, бросить в омут неудачи. Конечно, Радзин не пропадет, он не превратится в нищего научного сотрудника, каким был в начале своей стремительной карьеры. В конце концов, у него завелось немало друзей. Но того, что имеет сейчас, вновь уже не достигнет. Вокруг развелось немало молодых хищников, только и ждущих, чтобы отхватить свой кусок и добить оступившегося собрата.

Они сидели в креслах на лужайке перед небольшим круглым бассейном. Середина апреля, день был удивительно теплым, солнечным и безветренным, хотя из почек только только проклюнулась свежая зелень. Хозяин дачи пил «драй мартини» – водка и мартини, пятьдесят на пятьдесят. Радзин предпочитал разбавлять водку апельсиновым соком в пропорции один к двум.

– Забавный человечек у меня был на неделе, – сказал вдруг хозяин. – Мелкий жулик, но с большими амбициями.

– Ровно девяносто девять процентов из тех, кто приходит ко мне, относятся к той же категории, – меланхолично отозвался Радзин. – Время сейчас такое.

– Этот не совсем такой, – возразил хозяин. – Фантазия, знаешь, у него неплохо работает.

– Ну и черт с ним, – сказал Радзин.

Спорить ему не хотелось.

– Да нет, ты послушай, – отчего-то увлекся хозяин. – Притащил мне какие-то пыльные бумаги, которые выудил из архива Мингеологии. Отчет геологической партии десятилетней давности. Кажется, их готовились выкинуть в помойку. Якобы в окрестностях Андалинска десять лет назад обнаружили потрясающе богатое месторождение.

– Где это? – спросил Радзин, просто чтобы поддержать беседу.

– Где-то в Саянах... я не знаю. В общем, по его словам, геологи нашли там залежи сысертскита и этот факт намеренно скрыли, а потом и вовсе забыли. Так вот этот человек предлагал немедленно образовать государственную компанию по разработке месторождения. А его самого назначить генеральным директором. Представляешь?

– Что такое этот сысертскит, – с трудом повторил слово Радзин.

– Минерал. Стратегическое сырье. Редкоземельные элементы. Но дело не в этом... – Хозяин потянулся и долил себе немного в стакан. – Все это ерунда, я проверил. Либо ошибка, либо преднамеренная тупость. Года через два там повторно брали пробы – пусто. Что-то там нашли, но совсем не то и не в том количестве. Даже документов не сохранилось – в министерстве тогда реорганизация началась.

– Как же ты узнал?

– Нашелся один человек, который помнил.

– А документов, значит, не сохранилось? – задумчиво спросил Радзин. – Ну а тот, первый отчет?

– Где-то у меня валяется. Да зачем он тебе?

– Просто посмотреть...

В этот момент жена хозяина позвала их к столу, и больше о геологии они в тот день не разговаривали. Но какой-то участок мозга Радзина, вцепившись в услышанное, продолжал обрабатывать информацию, и к концу дня, когда Радзин неторопливо возвращался по вечернему шоссе домой, в голове его созрел – нет, пока что не план, – но некие его предварительные очертания.

В следующий раз они встретились уже через два дня. Для встречи Радзин избрал какой-то несущественный предлог и, быстро покончив с ним, перешел к тому, что считал главным.

– Я все время думаю о том нашем разговоре, Алексей, – сказал он.

– О чем ты?

– Насчет этого месторождения...

Алексеев понадобилась целая минута, чтобы вспомнить.

– Так никакого месторождения нет, – рассмеялся он.

– Я в этом не так уверен, – мягко проговорил Радзин и принялся неторопливо излагать свою идею.

Алексей вначале скептически улыбался, потом улыбка исчезла с его губ, а в конце концов на лице появилось весьма недовольное выражение.

– Тюрьма, – сказал он. – Вот что тебя ждет. И меня тоже, если я в это ввяжусь.

– Ты меня просто плохо слушал, – возразил Радзин. – За ошибки не сажают. Еще никого не посадили. В крайнем случае тебя выгонят с работы. Но тогда она тебе больше не понадобится, это я гарантирую. Чем ты, в сущности, рискуешь? В чем твоя вина? В том, что поговорил профессиональным рудознатцем? Что искренне хотел найти источник пополнения государственной казны? Причем без малейшей личной материальной заинтересованности. Твоя единственная задача – обеспечить гладкое прохождение проекта в правительстве, все осталь-

ное лежит на мне. Создание компании, выпуск акций, организация государственного тендера и прочее. В конце концов, от продажи акций казна получит немалый процент. Ну и мы с тобой, конечно, тоже...

– Все это будет десять раз проверяться, – не сдавался Алексей.

– Конечно, – согласно кивал Радзин. – Как раз этим я и намерен в первую очередь заняться. Я отправлю туда экспедицию, которая подтвердит первичные результаты. Совершенно официально. Причем ко мне это не будет иметь никакого отношения.

– Участникам тендера результатов твоей экспедиции будет недостаточно. Они захотят получить те же результаты самостоятельно.

– А кто их туда пустит? – удивился Радзин. – Все-таки речь идет о стратегическом сырье. В конце концов, нужно доверять тому, что говорит государство.

От цинизма этих слов Алексея слегка передернуло. Он принялся с жаром спорить, но Радзин отвечал спокойно и убедительно, и к завершению разговора пыл Алексея угас.

– Зону вместе будем топтать, – пробурчал он.

– Прошу тебя, без жаргонных оборотов, – поморщился Радзин. – Что за манеры у вас в правительстве?..

После этого они встречались еще несколько раз, и Алексей уже не спорил и не возмущался. Они спокойно обсуждали то, что им предстояло сделать.

* * *

Шедший впереди Иван вдруг замер и предостерегающе поднял руку, потом поманил к себе Глеба.

– Слышишь? Рябчик совсем близко разговаривает. Теперь с добычей будем.

Глеб прислушался и действительно услышал нежное посвистывание. Теперь они двигались очень медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу, осторожно и мягко раздвигая в сторону ветви. Они обогнули с двух сторон густой куст и снова застыли. Сразу десятка три рябчиков облепили невысокую пихту посреди полянки, словно диковинные пушистые плоды. Глеб медленно поднял двустволку.

– Ба-бах! Бах!

Пять или шесть птиц свалились на землю, остальные сорвались с места и плотной стаей исчезли меж древесных стволов.

– Зачем жаканом выстрелил? – осуждающе покачал головой Иван. – Все равно же не попал!

Глеб в азарте действительно выпалил не только из правого ствола, заряженного мелкой дробью, но и из левого, где по таежному обычаю всегда сидел патрон с пулей-жаканом.

– Погорячился, – пробормотал он, перезаряжая ружье.

Они подобрали убитых рябчиков и уложили в заплечные мешки.

– Сейчас еще найдем. Они далеко не улетели, – сказал Иван.

В самом деле, глупая непуганая птица отыскалась очень быстро. Вся стая, оказывается, вновь сидела на лиственнице всего в каких-то ста метрах от прежнего места. Новым залпом они сбили еще четыре штуки, а потом вновь отправились за улетевшей стаей и снова нашли ее очень быстро...

– Хватит, однако, – сказал Иван, затягивая горловину доверху набитого птичьими тушками мешка. – Возвращаться пора, а то до темноты не поспеем. Да и нести тяжело.

Рябчики были крупные, жирные, каждый тянул граммов на семьсот.

– Слушай, Иван, а фактория в какой стороне? – спросил Глеб.

– Вон там, – автоматически махнул рукой Иван в сторону восхода солнца и поднял голову. – А зачем тебе?

- Да я так спросил. И долго туда добираться?
- По земле – не знаю, не пробовал ни разу. По земле туда не дойдешь, никто не ходил. Там, на востоке, хребет – скалы по сто метров, на них и альпинист не влезет. Потом еще болота...
- А если я все же попробую?
- Прямо сейчас? – удивился Иван.
- Ну хотя бы.
- Иди, если хочешь, – пожал Иван плечами. – Только жалко тебя. Не дойдешь. Рябчиков съешь, патроны кончатся – пропадешь, Йока.
- Даже если ты мне свои патроны отдашь?
- Конечно! Как через хребет перелезть будешь? Даже я не знаю, а ты – тем более. Разве можно с тайгой шутить!
- Ладно, пошли домой, – сдался Глеб, но едва они тронулись, возобновил разговор:
- Слушай, Иван, продай мне лодку!
- Почему продай? – оглянулся он. – Если нужно – так бери.
- Уговор – дороже денег! – быстро проговорил Глеб.
- Конечно, – подтвердил Иван. – А ты куда плыть хочешь? Вниз или вверх?
- Вниз, – неуверенно ответил Глеб.
- Это можно, только если недалеко, – кивнул Иван, не оборачиваясь. – А то против течения возвращаться трудно.
- Зачем возвращаться?
- А как же! Пять километров вниз – пороги, там никакая лодка не пройдет. Разобьешься вдребезги. Мы туда за тайменем ходим только с мотором.
- А если вверх плыть?
- Да разве вверх без мотора проплывешь, Йока? – снисходительно усмехнулся Иван. – Ты же сам видел, какая вверху река. Можно вдвоем из всех сил грести – все равно вниз относит. Мы только один раз в год вверх плаваем, когда в факторию баржа приходит. Столько бензина уходит, Йока, сказать страшно!
- За бензин, Иван, я тебе заплачу.
- Да я бы тебе и так дал. Только нету у меня бензина. Совсем мало осталось. До фактории не хватит.
- Да как же нет? – рассердился Глеб. – Ты же осенью в факторию собираешься!
- То – осенью, – сказал Иван. – Осенью все едут. Староста бензин дает, кому не хватило. К тому же осенью перед самыми морозами вода совсем другая, идти гораздо легче.
- На этот последний, малопонятный Глебу довод вообще нечего было возражать. Он понял, что дальнейший разговор просто бесполезен, но все же не удержался от того, чтобы задать последний вопрос:
- А если я у старосты попрошу, он бензин даст в долг?
- Попроси, – охотно поддержал Иван. – Староста может дать. Хотя вряд ли. Сихэрче летом никому не велит давать из общих запасов. Потому что никто не знает, какая зима будет. А знаешь, Йока, год назад баржа вообще осенью не приходила. Кака-ая трудная тогда была зима! Вот Сихэрче и беспокоится.
- Я так и не пойму кто у вас тут главный, – раздраженно сказал Глеб, – староста или Сихэрче? Ты уж объяснил бы мне.
- Конечно, староста, – объяснил Иван таким тоном, будто разговаривал с младенцем. – Староста – это власть. Но Сихэрче – мудрый человек, поэтому все его слушают. И староста тоже. Теперь понятно?
- Теперь понятно. – Глеб устало махнул рукой и с досадой сплюнул себе под ноги, но шагавший чуть впереди Иван этого конечно же увидеть не мог.

«Все равно сбегу, – мрачно думал он. – Хрен удержите!»

Вернулись в село еще при свете, хотя солнце уже скрылось за утесами. Жена и старшая дочь Ивана – Наталья с Ульяной – тут же взялись готовить рябчиков. Обдали тушки крутым кипятком, ловко обдергали перья, пух и сунули в жаркое горло печи. Баню сегодня не готовили, обмывать пот и усталость охоты Иван с Глебом пошли на реку. В ледяных струях плескались, пока у Глеба от холода даже виски свело.

Рябчики под хрустящей корочкой выглядели удивительно вкусными, рот Глеба немедленно наполнился слюной. Немного поворчав, Наталья выставила по тихой просьбе Ивана на стол бутылку с брусничной настойкой. Но едва они с Иваном подняли по первой, раздался легкий стук, и в избу вошла Анна.

– Здравствуй, – сказала она, не глядя на Глеба. – Иван, не поможешь колоду передвинуть?

– Йока поможет, – немедленно ответил Иван. – Глеб, пойдй помоги девушке. Справишься? А рябчики никуда не денутся. Мы с ними тебя подождем.

– Постараюсь, – буркнул он, отлично понимая, что Анна как раз за тем и пришла. Но деваться было некуда. Не отказывать же в помощи женщине. Он проглотил слюну и вышел вслед за ней.

Они пошли по улице. Анна впереди, не оборачиваясь, Глеб чуть сзади. Хотя уже опустились сумерки, сейчас ему казалось, что вся деревня провожает их взглядами – любопытствующими и одобрительными, что вызывало в его душе весьма противоречивые чувства. Не то чтобы Анна ему не нравилась, как раз наоборот, но настойчивость, с которой все вокруг стремились их соединить, вызывала у Глеба внутренний протест.

Проходя мимо двора старосты, Глеб приостановился. Паштык колол дрова у сарая. Это был крепкий, начинающий лысеть мужчина лет шестидесяти, глава большого семейства. Глеб знал, что из восьмерых его детей старшему стукнуло уже тридцать пять, младшей же дочери было всего восемь. Жена старосты, несмотря на такое количество беременностей, сохраняла, как и большинство женщин поселка, сухую, почти стройную фигуру, оставаясь легкой и быстрой на ногу.

– Здравствуй, Петр Корнеич! – крикнул Глеб и повернулся к Анне: – Ты иди, я сейчас догоню.

Староста отложил топор, взгляделся в сумеречный воздух.

– Здравствуй, Йока. С охоты вернулся? Что добыли?

– Да на рябчиков с Иваном ходили. Петр Корнеич, разговор есть.

– Заходи, если недолго. А то я баньку наладил. Если хочешь – вместе попаримся.

– Нет, спасибо, – мотнул головой Глеб. – Слушай, Петр Корнеич, мне домой пора отправляться. Засиделся я тут у вас. Ты бы мне помог, как местная власть. Может, попросил бы кого... Тебя послушают.

– Так-то оно так... – Староста поскреб редкую щетину на подбородке. – Только кого же сейчас попросишь? Сейчас, Глеб, не знаю как по батюшке, самая работа у всех. Лето у нас короткое, надо запасы на зиму готовить. Как тут человека от дела отрывать?

– Слушай, Корнеич, а ты тогда мне дай лодку, а? Я и сам доберусь. А лодку оставлю кому скажешь, потом заберете.

– В чем вопрос! Бери на здоровье. Хоть мою, – легко ответил староста.

– С мотором?

– Ну... – Староста слегка нахмурился. – С мотором-то с мотором, да вот с бензином проблема. Нет у нас бензина.

– Да как же! – воскликнул Глеб. – Иван говорил, что запасов до зимы хватит!

– Это с чего ж он взял?! Бензин, понимаешь, у нас общественный. Такие дела в одиночку я не решаю. Если и хватит до зимы, то с трудом, это я точно тебе говорю. И вообще сомневаюсь... Нет, Йока, с бензином, извини, я тебе не помогу.

– Так без бензина я отсюда не уеду!

– Почему не уедешь? – удивился староста. – Вот зима наступит, река встанет, тогда можно будет.

– Не могу я ждать до зимы, – упрашивал Глеб.

– А что тут поделать, Йока? – развел руками староста. – Я тебя понимаю, только все равно ждать придется. По-другому никак не получается.

На крыльцо выбежал паренек – один из сыновей паштыка.

– Ата! Баня готова, иди, мать зовет!

Староста тут же с облегченным вздохом вскочил на ноги.

– Так не пойдешь со мной в баньку, Йока? Нет? Зря...

Глеб свернул с улицы к дому Анны и грудь в грудь столкнулся с Донгаровым. Толчок получился совсем слабый, Глеб тут же отпрянул, бормоча извинения, но Донгаров совершенно неожиданно и очень агрессивно пихнул его твердой ладонью в грудь так, что Глеб отлетел на пару шагов назад.

– Ты что, Аким? – растерянно сказал Глеб. – Я же случайно.

– Улицы тебе мало! – злобно прошипел Донгаров. – Думаешь, ты здесь самый умный?!

Он снова шагнул вплотную и схватил Глеба за запястье. Глеб попытался выкрутить свою руку из захвата, но пальцы охотника сжимались словно клещи. Лицо кривилось злобной гримасой.

– Ты зачем сюда пришел, щенок?! Своего нет, чужое забрать хочешь? Я таких, как ты, в реке топлю!..

Глеба охватила жаркая волна гнева. Он хотел бы избежать ссоры с Донгаровым, но вряд ли теперь это было возможно. Вспоминая юношеские навыки занятий дзюдо, сцепил обе руки в замок и резким движением с поворотом локтя легко освободился. В глазах Донгарова вспыхнуло удивление. Он широко размахнулся, но Глеб без труда избежал удара коротким уклоном.

– Прекрати, Аким! – крикнул он. – С ума сошел?

Донгаров же все сильнее впадал в ярость. Прыгнув вперед, он вцепился в отвороты халата своего противника. Он был ниже Глеба, но намного жилистей и сильнее, несколько секунд они с сопением топтались на дорожке, потом Донгаров приподнял Глеба, готовясь швырнуть наземь, однако тот зацепил стопой его ногу, и теряющий равновесие Донгаров был вынужден его оттолкнуть. Глеб все же не удержался на ногах. Упав, быстро перевернулся на бок и, не пытаясь подняться, провел подсечку. Донгаров грузно грохнулся на спину.

– Хватит! – крикнул Глеб, успевший встать первым. – Довольно! Опомнись!

Донгаров сел. Падение совсем не повредило ему, даже не оглушило, он просто пришел в некоторое замешательство, совершенно не рассчитывая получить от худосочного, слабосильного Йоки настолько квалифицированный отпор. Злобно бормоча что-то неразборчивое, он потянулся к ножу, висевшему на поясе в ножнах.

– Гле-еб! – услышали они голос Анны. – Ты где?

– Тут... я тут, – отозвался Глеб. – Я сейчас иду.

Он быстро прошел мимо Донгарова. Тот так и остался сидеть, проводив Глеба взглядом, исполненным ненависти и угрозы.

– Ничего, – негромко сказал он ему в спину. – Встретимся еще... Йока!

– Что там случилось? – спросила Анна, заметив его возбуждение.

– Ничего, – буркнул он, пытаясь скрыть учащенное дыхание. – Все в порядке.

Срывая злость на колоде, Глеб швырял ее с боку на бок, перегоняя из одного угла двора в другой. Анна попыталась было помочь, но Глеб хмуро велел, чтобы не мешала. На кой черт

вообще эту колоду было трогать, он не знал. Лежала на своем месте сто лет, пролежала бы еще столько же. Наконец дурацкая работа была окончена.

– Спасибо, Глеб, – сказала Анна и отвела взгляд в сторону. – Чаю попьешь?

– Нет, – грубовато ответил Глеб и, увидев, как вспыхнуло краской ее лицо, устыдился. – Ну, конечно, давай попьем.

Он сполоснул руки и разгоряченное лицо под рукомойником и зашел в избу. В доме Анны он оказался впервые. Тут было чисто и светло, остро и приятно пахло какими-то лесными травами. Неизвестно как здесь обстояли дела с чаем, но на столе обнаружился настоящий ужин. Вплоть до пузатого графинчика с брусничной настойкой.

– Садись, – тихо пригласила Анна.

– Ну спасибо, – вздохнул Глеб, покоряясь тому, что неизбежно должно было случиться. Причем без малейшего усилия над собой.

Ему совершенно не нужно было спиртное. Свежий запах, исходящий от Анны, лишал разума гораздо скорее. Все произошло очень быстро и естественно, потому что оба ждали одного и того же. Когда Анна подошла к Глебу с миской, чтобы положить ему какую-то снедь, он просто прижался к ней щекой, ощутив между своим и ее телом преградой лишь тонкий ситец платья. Минута прошла в неподвижности и тишине. Потом Анна, не отстраняясь, медленно поставила миску на стол. Ее руки мягкой лаской легли на голову Глеба.

– Глеб, – сказала Анна, и голос ее звучал с хрипотцой. – Мне хорошо с тобой, Глебушка.

Он гладил ее осторожно и нежно. Только ситец – почти неосязаемый и оттого возбуждающий, отделял от него Анну. Его рука скользнула вниз и начала подниматься, попутно сминая в мягкий комочек эту последнюю преграду.

– Анна, – пробормотал Глеб, пытаясь собрать воедино остатки разлетевшегося по Вселенной разума, – мне тоже так хорошо...

– Не говори сейчас, – шепнула она в ответ. – Ничего не говори...

Освободилась легко и необидно, сделала два шага к двери на вторую половину избы, коротко обернулась на Глеба и каким-то неуловимо быстрым движением сбросила через голову платье.

– Не говори, Йока, – прошептала она. – Просто иди ко мне...

* * *

Как всегда, Радзин проснулся без будильника ровно в восемь тридцать и обнаружил, что жена уже встала. За дверью ближайшей ванной комнаты шумели струи душа. Радзин зашел в соседнюю. «И как это возможно жить в доме с одной ванной!» – подумал он и тут же поймал себя на том, что до сих пор не привык к созданному им самим комфорту. Такие мысли следовало поскорее изгонять. Обращать внимание на нормальные, в сущности, элементы быта – признак плебейства. Не велика роскошь – две ванных комнаты в квартире.

Совершенное открытие слегка огорчило Радзина. Процесс избавления от плебейских привычек протекал недостаточно быстро. Он тщательно побрился, принял душ, а потом долго массировал лицо. От массажа кожа порозовела и разгладилась, Радзин придирчиво оглядел себя в зеркало и нашел, что для своих сорока пяти выглядит вполне прилично. Разве что лицо чуть полноватое. Он втянул щеки внутрь, посмотрел и неодобрительно хмыкнул. Нет, аскетическая худоба ему явно не подходила.

– Тебе сделать тост? – спросила из-за двери жена.

– Пожалуйста, – хриловато сказал Радзин, откашлялся и произнес еще раз, звучней и громче: – Пожалуйста!

Пробуждение таким образом окончательно состоялось.

Когда он вошел в столовую, тосты уже лежали на тарелке. Жена в халатике и тюрбане из полотенца пила кофе маленькими глотками, рассеянно глядя на открытую страницу какого-то глянцевого журнала. Тонкая полупрозрачная ткань туго обтягивала ее грудь. Радзин с удовольствием полюбовался, но потом отвел взгляд в сторону. Готовясь к рабочему дню, следовало сосредотачиваться на предметах иного рода...

– Ты куда-то собираешься сегодня? – спросил он.

– Встречаемся с Людмилой, – ответила жена. – В бизнес-центре презентация летней коллекции Зайцева.

– Так рано? – поднял он брови.

– Пока встретимся, пока поболтаем да прогуляемся... – лениво сказала она.

Жена была моложе Радзина на двенадцать лет и до сих пор при вечернем свете выглядела абсолютной девочкой. Радзин доверял ей и не ревновал по пустякам. За легкомысленной внешностью супруги скрывался трезвый ум, за три года совместной жизни она ни разу не дала Радзину ни малейшего повода пожалеть о совершенном шаге. Она была не только прекрасным сексуальным партнером, но и надежным товарищем.

– Передавай Людмиле привет, – сказал Радзин, отправляясь одеваться.

Он разорвал пластиковую упаковку и с удовольствием натянул мягкую, снежной белизны сорочку. Этот этап утреннего туалета нравился ему более всего. Ненадолго задумался, выбирая галстук, и со вздохом вытащил желтый. Радзину не нравился этот цвет, он предпочитал более консервативные, спокойные тона, но ничего не поделаешь – приходилось следовать требованиям моды этого сезона. Тщательно завязал узел, надел пиджак и, отступив от зеркала на два шага, придирчиво себя оглядел. Кажется, все в порядке. Если бы только не этот дурацкий галстук!..

Коротко пискнул домофон, Радзин вышел в прихожую и включил экран видеокамеры. Его шофер и телохранитель Алик спокойно смотрел в объектив.

– Я сейчас выхожу, Алик, – сказал Радзин и крикнул в сторону столовой: – Верочка, пока, я ушел!

Черный бронированный «джип» сиял до блеска отмытыми боками. Радзин пролез сквозь предупредительно открытую Аликом дверцу на заднее сиденье и откинулся на спинку.

– Пожалуйста, не гони, Алик, – попросил он. – Давай спокойно, без нарушений, как положено приличным людям.

День начинался удачно: сегодня обошлось даже без обычного стояния в пробке перед Большим Каменным мостом. Через несколько минут джип свернул на Новый Арбат, заехал в арку, минуя поднятый охранником шлагбаум, мягко остановился у подъезда. Здесь, в бывшем здании одного из управлений Верховного Совета, размещался главный офис компании «Восток-холдинг». До начала утреннего совещания оставалось еще пятнадцать минут, Радзин прошел в свой кабинет и попросил секретаршу принести свежие газеты.

Перелистывая страницы, он бегло просматривал заголовки. «Война в Чечне»... «Энергетический кризис в Приморье»... «Очередной скандал в Госдуме» – все это совершенно не интересовало Радзина, он безразлично откладывал газету за газетой до тех пор, пока не натолкнулся на небольшую заметку в «Предпринимателе».

«Информированные источники в правительственных кругах сообщают, что в ближайшее время может быть существенно пересмотрена программа распределения целевых кредитов между ведущими сырьевыми компаниями, разработанная и утвержденная предыдущим кабинетом министров, – говорилось в заметке. – Как сообщил нашему корреспонденту пожелавший остаться неназванным сотрудник аппарата Совмина, необходимость пересмотра программы вызвана не только требованиями жесткой экономии бюджетных средств, но и происшедшими в последнее время переменами на сырьевом рынке. В частности, как сообщает источник, могут

оказаться значительно урезанными суммы, которые ранее предполагалось направить на освоение вновь открытых месторождений полезных ископаемых в районах Западной Сибири...»

Радзин почувствовал, что в кабинете стало жарко. Он расстегнул верхнюю пуговицу сорочки, включил вентилятор и еще раз перечитал записку. Нет, в ней не было ничего конкретного – ни цифр, ни названий, но Радзин ясно ощущал, что эти гладкие, обтекаемые предложения таят скрытую угрозу.

Он включил аппарат внутренней связи.

– Марина, пригласи, пожалуйста, ко мне Шаврова и Власова, – приказал он секретарше. – И еще... Сообщите членам директората, что совещание на сегодня отменяется. Мы соберемся в это же время завтра.

– Хорошо, Сергей Юрьевич, – мелодично отозвалась секретарша.

Внезапно Радзин увидел свое отражение в стеклянной дверце книжного стеллажа напротив – размытый силуэт с неясными очертаниями и крикливо-ярким желтым пятном под подбородком. Рука его стиснула галстук, но вместо того, чтобы сорвать его, Радзин вновь застегнул рубашку и подтянул узел.

Вежливо стукнув в дверь, вошел начальник службы безопасности Анатолий Шавров – высокий и грузный пятидесятилетний отставник контрразведки. Сразу же следом за ним – финансовый директор Власов, Дима, Димочка – представитель поросли юных гениев бизнеса, недавний выпускник финансовой академии, худенький, почти сублильный очкарик с невинным взглядом светлых глаз, отлично маскировавшим парадоксальную работу не по годам изощренного мозга. Хотя за два года, что он был у Радзина, Дима набрал килограммов пять, которые распределились ровненьким слоем по его фигуре, вынудив увеличить костюмы на один размер.

– Читали? – Радзин положил перед ними газету.

Шавров сдержанно кивнул, а Власов задержался с ответом на минуту, которая потребовалась ему, чтобы проглядеть статью.

– Ну и что скажете?

– Тут нет ничего конкретного, – сказал Шавров. – Весьма похоже на утку. Хотя, дыма без огня, как известно, не бывает.

– Звончок очень неприятный, – произнес Димочка Власов. – Я знаком с редактором отдела экономики. Мы вместе учились на одном курсе. В принципе могу попытаться выяснить, откуда подул ветер.

– Так он тебе и скажет! – фыркнул Радзин.

– Почему же нет? – Власов поднял на него ясный взгляд. – После кризиса зарплата у журналистов отнюдь не так велика, как полагает большинство обывателей.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что означает для нас получение этого кредита. А если понимаете, то не удивляйтесь, пожалуйста, моей реакции на такие вот «звонки», – он саркастически усмехнулся. – Скорее мне впору удивиться вашему спокойствию.

– Еще ничего не произошло, – мирно сказал Шавров.

– Когда произойдет – будет поздно, – отрезал Радзин. – Кто в Совмине занимается этим вопросом? Курников?

– Уже нет, – немедленно отозвался Шавров. – Рыбин. Из команды нового премьера.

– Как осточертела эта чехарда! – воскликнул Радзин. – Может, Дима, ты и с ним случайно учился в одной школе?

– Вряд ли, – усмехнулся Шавров. – Рыбин из старой гвардии, в свое время в Госплане работал.

– Есть к нему какие-нибудь подходы?

– Устанавливаем, – ответил Шавров. – Работа ведется.

– Учтите, мои дорогие, ситуация такова, что мы просто обязаны хотя бы на шаг опережать события. Хотя бы на шаг! Все может сорваться из-за малейшей мелочи... Как например, из-за этой чертовой экспедиции. Что, кстати, с ней?

– Все в порядке, – кратко сказал Шавров. – Почти.

Радзин вскинул голову и подозрительно уставился ему в глаза.

– Что значит «почти», Анатолий?

– Слегка не сошелся общий счет. Сейчас выясняем почему. Полагаю, это просто техническая накладка.

– Прошу вас объяснить подробнее! – потребовал Радзин.

Шавров встал, подошел к двери, приоткрыл ее и вновь плотно закрыл, потом взял телевизионный пульт управления и не выбирая, включил одну из программ. Внимательно следивший за его манипуляциями Власов как бы невзначай отошел в дальний угол кабинета, взял со стеллажа какую-то брошюру и принялся увлеченно перелистывать, подчеркивая тем самым, что совершенно не интересуется подробностями предстоящего разговора. Шавров покосился на него без одобрения, но ничего не сказал.

– Ты же только вчера весь кабинет по сантиметру ощупал, – не удержался от усмешки Радзин.

– Береженого Бог бережет, – спокойно ответил Шавров.

– Ну, рассказывай!

– Если коротко, то мы не досчитались одного из членов экспедиции.

– Что это значит?

– Пока только то, что я сказал. Мои люди сделали все точно по инструкции. Как только стало окончательно ясно, что геологи взбунтовались, они вышли со мной на связь. Вы об этом знаете.

– Поэтому повторять об этом не стоит, – раздраженно сказал Радзин. – Экономь наше время, пожалуйста. Дальше.

– А дальше я приказал им действовать. Но один из геологов – Карзанов – просто исчез.

– Что значит исчез? – воскликнул Радзин. – Убежал?

– Не совсем так... Не все там прошло гладко, он был ранен и пытался скрыться, но его лодка перевернулась во время бури. Короче говоря, тело его не нашли.

– Почему ты говоришь мне об этом только теперь?

– Но я сам узнал только вчера! – пожал Шавров мощными плечами. – Исполнители не выходили на связь, пока не проверили все варианты. Поэтому я полагаю, что повода для волнения быть не может. Он пропал. Исчез без следа. В тайге это значит очень много.

– Что за человек этот Карзанов?

– Парень как парень, самый обычный. Немного за тридцать, в институте работает со дня получения диплома. Несколько раз был в экспедициях. Вот одного понять не могу. Когда мы с ним беседовали, он проявил полное понимание задачи. Почему вдруг такой резкий поворот?

– Ты с ним лично разговаривал?

– Ну разумеется. Денег, которые мы ему предложили, он в своей конторе и за два года не заработает, заинтересованность у него была абсолютной.

– Деньги деньгами... – медленно произнес Радзин. – А он, часом, не романтик? Ему не могла в какой-то момент просто шлея под хвост попасть? Совесть, понимаешь, заговорила или что-то вроде того. Впрочем, теперь уже неважно. Важно другое: насколько это осложнит дело.

– Прошел уже месяц, и о нем нет никаких вестей. Думаю, тайга самостоятельно сделала нашу работу.

– Доделала, – машинально поправил Радзин. – Думаешь или уверен?

– Я направил туда еще людей. Они проверили практически все населенные пункты в радиусе полусотни километров. Никаких следов. Правда... – Тут Шавров слегка заколебался. – Есть еще одно обстоятельство.

– Говори! – потребовал Радзин.

– Среди документов не оказалось рабочего журнала.

– Слушай, что это мне из тебя все по ложке приходится выдавливать! – разозлился Радзин. – Что там, в этом журнале?

– Отметки о взятии проб, их примерное содержание. Обычный рабочий документ в поле. Ничего особенного в нем нет. И я упомянул об этом факте только потому, что он имел место. – Шавров выглядел слегка обиженным. – Даже если журнал остался у пропавшего Карзанова, в этом нет ничего страшного. Он пропал вместе с ним.

– При условии, что сам Карзанов пропал окончательно, – уточнил Радзин.

– Я в этом почти не сомневаюсь.

– Почти!.. – Радзин неопределенно хмыкнул. – Ты понимаешь, как может быть опасно это слово «почти»?

Шавров смотрел на него не мигая, словно сова.

– Сергей Юрьич, я докладываю вам обо всем. Абсолютно все детали. Даже несущественные. Эту деталь я считаю несущественной.

– Ладно! – Радзин немного расслабился. – Очень хочу надеяться, что ты прав. Значит, ты полагаешь, что можно начинать второй этап?

– Не вижу препятствий.

– Дмитрий! Подойди сюда, пожалуйста! – позвал Радзин.

Власов положил брошюрку на место и осторожно приблизился.

– Какие у нас резервы на сегодняшний день?

Тот еле заметно усмехнулся.

– Отчет у вас на столе.

– Я не об этом! – дернул подбородком Радзин. – Ты разговаривал с этим... Лариком?

– Мы встречались не один раз, – неопределенно ответил Власов.

– Он сказал что-нибудь конкретное?

– Определенную заинтересованность проявил. Но он требует гарантий.

– Будут ему гарантии, – буркнул Радзин. – Я хочу, чтобы ты еще раз встретился с ним на следующей неделе. Сразу после того, как станет известно об исчезновении экспедиции. Намекни ему, что мы не будем возражать против того, чтобы его люди приняли участие в поисках. Пусть почувствует, что стоит у самых истоков предприятия. Это его должно стимулировать. Мне необходимы его деньги.

– Этот Ларик очень серьезный человек, шеф, – сказал Власов. – Я не хотел бы с ним ссориться.

– Никто не собирается с ним ссориться, – категорически возразил Радзин. – Мы вернем ему все с процентами, как только получим кредит. У него не будет повода на нас обижаться.

Он взглянул на часы и заторопился.

– Пока все! Через полчаса мне нужно быть в Думе. Полагаю, самые важные вопросы мы обсудили.

Когда Шавров и Власов вышли, он откинулся на спинку кресла, расслабил мышцы и прикрыл глаза.

Мысли его вернулись к событиям двухмесячной давности. Как вовремя он тогда обо всем узнал! Нет, это ни в коем случае нельзя было назвать удачей: в делах Радзин предпочитал полагаться не на фортуна, а на сугубо прагматический расчет. А это означало, что, начав разрабатывать какую-то тему, Радзин должен был знать обо всем, что имело к ней отношение.

Никаких случайностей! О том, что Мингеологии готовилось направить в район Андалинска экспедицию, ему сообщили всего через неделю после принятия решения.

В тот вечер Радзин сидел на открытой веранде своей дачи, мерно покачиваясь в старомодном плетеном кресле-качалке. Темнело, становилось прохладней, но комары его не тревожили, напуганные крепким дымом гаванской сигары. Он будет покачиваться и думать ровно столько, сколько понадобится чтобы сигара истлела до конца. А потом пойдет спать, но решение к этому времени будет найдено. Окончательно и бесповоротно.

Экспедиция – слишком громко сказано. Три-четыре полевых геолога и несколько подсобных рабочих. На большее у Мингеологии сегодня денег нет. Но почему, черт возьми, именно теперь? Именно в Андалинскую тайгу? Кто потянул единственную ниточку, которая могла нарушить тщательно спланированную комбинацию? Простое совпадение? Возможно. Верить в иное просто не хотелось. Отрабатывать назад на этой стадии Радзин не желал. Слишком многое уже вложено в проект, слишком значительные силы задействованы, дабы обеспечить успех дела.

И все же в случайность не верилось. Нужно будет все очень тщательно проверить. Если уже на этой стадии возникла утечка информации, если кто-то за спиной Радзина пытается начать собственную комбинацию...

Другая проблема – экспедиция. Хотя не из самых сложных проблем, что приходилось решать Радзину за последнее время. Этих геологов можно уговорить действовать в его интересах. Их можно купить, запугать, уничтожить, в конце концов...

Этим займется Шавров, тут задача исключительно по его части. А у Радзина найдется немало дел. Черт возьми, неужели Лешка решил начать игру по своим правилам? Мысль эта не ожесточила Радзину против давнего приятеля и партнера. Немного огорчила – да. Но больше – позабавила. Несмотря на свои высокие должности, Алексей, в сущности, оставался несмышленьким в деловой сфере. Ну куда ему тягаться с Радзиным?!

Радзин почти не обижался. Если предположения его верны, Алексею следует лишь слегка вправить мозги. Инструментов для этого – хоть отбавляй, Радзин всегда был готов к подобному развороту событий. Алексея нужно только немного встряхнуть. Он опомнится и раскается.

Следовательно, остается только решить вопрос с этой идиотски несвоевременной экспедицией... Впрочем, какая же она несвоевременная? Очень даже наоборот. Ее отправляет государство, а не предприниматель Радзин! Как же возможно будет не доверять выводам государственных людей! Конечно, придется немного подкорректировать задачи экспедиции. Чуть-чуть изменить изначальную установку. Это будет нетрудно: геологи – тоже люди, у них есть семьи, которые нужно кормить, дети, которым нужно дать образование...

Ну конечно же! Совсем не стоит ломать ситуацию, если достаточно ее изменить совсем немного. Он так и сделал. По его приказу Шавров выяснил, кто именно едет в экспедицию, и установил контакт с геологами... Как его фамилия? Карзанов? Черт возьми, ведь все начиналось так хорошо и шло так гладко!

«Все будет хорошо, – прошептал Радзин, возвращаясь в день сегодняшний. – Все будет в порядке...»

А потом медленным движением стянул галстук и бросил на пол.

* * *

– Здравствуй, Йока! – услышал Глеб и обернулся, вытаскивая изо рта гвозди.

Бльчин с полотняным мешочком в руке смущенно переминался с ноги на ногу.

– Здравствуй, Бльчин!

– Сарай чинишь?

– Да вот доски прогнили, заменить надо. Как живешь?

– Хорошо живу, Йока, спасибо, – сказал Ыльчин. – А ты как живешь?

– И я хорошо. – Глеб отложил молоток и разогнулся, радуясь возможности передохнуть.

Он принялся чинить курятник Анны сразу после завтрака и не закончил до полудня.

– На охоту ходишь? – спросил Ыльчин, словно не видел Глеба не меньше недели, хотя мудрено было людям в маленьком селе не встретиться хоть раз на день.

– Хожу иногда, – поддерживал беседу Глеб. – С Иваном.

– Вот, моя Галина тебе подарок прислала. – Ыльчин вытащил из мешочка замшевые, расшитые бисером полусапожки и сунул в руку Глебу. – Специальные охотничьи чарыки. Мой отец сам из кожи изюбря делал, а Галина украшала. В них вплотную можно к зверю подойти – он и не услышит. И на камне не скользят, и на мокрой траве.

Глеб несколько растерялся.

– Спасибо, Ыльчин, – сказал он. – Не знаю даже, что сказать... Очень дорогой подарок.

– Ничего не говори, – замахал руками Ыльчин. – Бери и носи на здоровье. До свиданья, Йока!

Он быстро повернулся и пошел прочь со двора.

– Постой, Ыльчин! – запоздало окликнул его Глеб. – Может, чаю выпьешь?

– Спасибо, Йока, не могу, – отозвался тот на ходу. – Галине обещал по дому помочь. В другой раз как-нибудь...

Глеб озадаченно поглядел ему вслед, потом перевел взгляд на зажатые в руке сапожки. Подарок и впрямь был знатный. Кожа верха по мягкости не уступала перчаточной. Мыс и задник были укреплены дополнительными нашивками, а подошва – твердая, но гибкая – состояла из нескольких слоев кожи, нижний из которых был взрезан особым способом, чтобы исключить скольжение. Глеб сбросил с левой ноги истоптанный ботинок и примерил. Сапожок сидел как влитой. Словно по мерке шитый.

– С обновкой тебя, – раздался знакомый усмешливый голос, и Глеб слегка вздрогнул.

От калитки к сарайчику шел Иван. В руках ружье в новеньком чехле и кожаный подсумок.

– Как живешь?

– Да все в порядке, – отчего-то Глебу было неудобно, что Иван застал его за примеркой.

– Отличные чарыки, – одобрил Иван. – Егор лучше всех в селе чарыки шьет. У меня тоже такие были, десять лет носил, пока не сносил. А я тебе тоже подарок принес.

Он раскрыл чехол и вытащил новенький карабин «Сайга».

– Вот, гляди. Уже пристрелянный.

– Да что это вы сегодня? – пробормотал Глеб. – У меня вроде не день рождения. Извини, Иван, такой дорогой подарок я принять не могу. Ты что, миллионер, что ли?

– Это не только от меня, – засмеялся Иван. – Это тебе от всего общества. А как же охотник может без своего оружия?

– Да с какой стати?

– Чтобы жизнь в радость была, – объяснил Иван. – Чтобы припас в доме не переводился. Бери и пользуйся!

– Нет, ты подожди, Иван. – Глеб отвел протянутую руку. – Ты сначала объясни мне, что происходит? Вчера вечером Карыш тулуп принес, потом Семен Ильгушев пришел со своим подарком, сегодня Ыльчин, ты... В чем дело-то?

Иван аккуратно прислонил карабин к стене.

– Анна дома?

– На выпас ушла корову доить.

– Ладно, скажу. Видишь, Глеб, Анна у нас не простая женщина. Она – ульгень, только не небесный, а земной.

– Что за ерунда! – с досадой сказал Глеб.

– Не ерунда! – серьезно возразил Иван. – Она, когда родилась, среди зимы дождь пошел и на реке лед лопнул. В тот год у баранов приплод был невиданный, а летом река так пересохла, что рыба с икрой к нам не дошла.

– Так я что-то не пойму, хорошо это или плохо? – спросил Глеб.

– Земной ульгень не бывает только хороший или только плохой, – принялся терпеливо объяснять Иван. – Если ему хорошо, то и всем вокруг хорошо. А если плохо, то – сам понимаешь... Анну, когда совсем маленькая была, все село любило. Когда корова у кого телилась, или кобыла жеребилась, просили Анну привести. Она всегда помогала. Когда побольше выросла – и людям помогать начала. Вот ты не знаешь, а ведь это она тебя проснуться заставила. Если бы не она – спал бы ты Йока до сих пор.

– Как это она? – удивился Глеб. – Разве не Сихэрче меня лечил?

– Сихэрче лечил, – кивнул Иван, – а спасла – Анна. Она сама добрая, хорошая. От нее никакого зла деревне не было. Когда родители у нее на реке потонули, ей всего семь лет исполнилось. И тем летом из тайги пришел такой сильный пожар, какого, наверное, сто лет не случалось. В самый последний момент ветер в сторону от села его отнес. Едва отбились. Своего мужа Анна очень любила и, когда он в тайге пропал, сильно печалилась. Потому в тот год и у нас всех дела опять пошли плохо. Понимаешь теперь?

– Ерунда какая-то, – сказал Глеб. – Средневековая мистика... Я-то вам на что?

– Женщине без мужчины плохо, – продолжал Иван. – Как мужчине без женщины. Даже хуже. Она два года маялась, пока тебя не нашла.

– А что же, местных женихов не нашлось? – кашлянув, спросил Глеб.

– К ульгению свататься не положено, – строго произнес Иван. – Ульгень сам себе пару выбирает. В тот вечер она тебя и выбрала, когда мне велела вверх по реке ехать...

– Как это? Ты о чем?

– Вот так, – кивнул Иван. – В самую грозу Анна ко мне пришла и сказала, чтобы я ехал вверх по реке и помог человеку. Тебе, значит.

– Ты серьезно? – не поверил Глеб.

– Именно так и было. Про это все село знает. Тебе мы вначале не говорили, конечно... Вот поэтому вам от села наши подарки. Анне теперь хорошо стало – тебе за это большое спасибо. Значит, и у нас будет порядок.

– Это что же, из-за этого вы меня отсюда не отпускали? – осведомился Глеб.

– Никто тебя насильно не держал, – нахмурился Иван. – Просто мы знали, что ты бы все равно не смог уйти, и о тебе беспокоились. Берегли тебя.

– Да, дела!.. – только и проговорил Глеб.

– Ладно, пойду я, – заторопился Иван. – Мне по хозяйству переделать немало надо... Так, значит, скоро вместе на изюбря пойдем, Йока. Готовься! Анне привет от меня передай...

Отворяя калитку, он столкнулся с Анной, резво отпрыгнул в сторону и попытался помочь ей донести до крыльца завязанное марлей ведро, на две трети налитое парным молоком. Но Анна мягко отвела его руку, и Иван, попрощавшись, отправился восвояси.

Анна шла по дорожке словно солистка танцевального ансамбля «Березка», она представляла маленькие ступни строго по одной линии, тяжелое ведро ничуть не ломало грациозность походки и – в том не существовало никаких сомнений! – молочное зеркало наверняка оставалось при этом совершенно неколебимым. Любуясь на такое чудо, Глеб недопустимо замешкался с предложением помощи. Лишь спустя несколько секунд спохватился и кинулся навстречу.

– Что же ты так сама и несла? – виновато спросил он, отбирая ведро. – В следующий раз пойдем вместе. Далеко ведь...

– Ничего, – тихо засмеялась она, прижимаясь к его спине маленькой твердой грудью. – Мне совсем не тяжело.

Он отнес ведро в погреб, а когда поднимался вверх по деревянным ступенькам, увидел перед собой длинные, гладкие, покрытые ровным загаром ноги Анны. Она угадала смысл его взгляда и натянула тонкую ткань платья на бедрах.

– Сегодня к нам гости придут, – почти шепотом сказала она. – Мне стол готовить надо...

Глеб дышал коротко и жарко. Но и этого короткого дыхания хватило, чтобы платье легким облачком взлетело над головой Анны.

– Успеем, Анечка, – пробормотал он. – Я помогу...

* * *

Вечерними гостями были Иван, староста-паштык и сам Сихэрче. Шаман пришел последним, одетый в новый и вполне совместимый с модой костюм-двойку, правда, без галстука. Не менее странно было видеть Глебу в его руках толстенький пластиковый чемодан типа «дипломат», который тот аккуратно поставил в угол.

Атмосфера в избе сама собой установилась какая-то торжественная, Глебу было неудобно, он поскорее налил гостям брусничной и первым поднял рюмку, готовясь произнести хоть какой дежурный тост, но Анна удержала его легким прикосновением к плечу.

С рюмкой в руках встал Сихэрче.

– Судьба тебя к нам принесла, Глеб-Йока, твоя собственная судьба. Но когда соединяются две судьбы, каждый в отдельности над своею уже не волен, даже Бай-Ульгень не волен над ними, хотя ты, Йока, в него не веришь. У тебя впереди долгий путь, свой путь, никто его изменить не в силах, только теперь, Йока, хочешь ты или не хочешь, станет он немножечко другим, чем представлялся раньше. Думаю, ты скоро поймешь меня. Не теперь, так позже... А сейчас – за тебя и Анну.

Глеб выпил, немало озадаченный этим странным тостом. Но вслед за тем немедленно поднялся Иван и произнес тост вполне нормальный, почти советский, насчет будущей славной жизни Глеба в окружении многочисленных детей и внуков. От этого тоста Анна ярко зарделась и посмотрела на Ивана с укоризной. Тот, внешне не смутившись, опрокинул рюмку и принялся хрумкать малосольным огурцом, хотя взгляд от Анны минут пять старательно отводил в сторону.

– Теперь не будете меня тут задерживать? – негромко спросил Глеб у Сихэрче.

Шаман в модном костюме посмотрел на него словно бы с сожалением.

– Тебя никто не задерживал, Глеб, – пожал он сухими плечами. – Просто всему должно настать свое время. Теперь это время пришло.

– Послушай, Сихэрче, а по рации как-то связаться с Москвой отсюда возможно?

– Нет, – отрицательно покрутил он головой. – По рации можно связаться только с районом. Только мы уже года два с ними не разговаривали. Может, у них и должность радиста отменили. Но если тебе очень нужно, можешь по телефону позвонить.

– В каком смысле? – не понял Глеб. – Из фактории, что ли?

– Зачем из фактории! Прямо отсюда можно, – спокойно ответил Сихэрче, встал из-за стола и принес свой чемоданчик. – Вот телефон, звони, пожалуйста!

Глаза у Глеба полезли на лоб. Пластиковая крышка, распахнувшись, открыла компактный пульт спутниковой телефонной связи, какой ему доводилось видеть лишь раз в жизни. Шаман со спутниковым телефоном – это было что-то!

– Это откуда ж такая роскошь? – пробормотал он.

– У старателей купили, – объяснил Сихэрче. – Тут артель недалеко работает, я у них и выменял.

– Я... это... из кухни, если можно, – сказал Глеб, поднимаясь.

– Конечно! – отозвался Сихэрче. – Знаешь, как пользоваться? Сначала вот это включаешь, потом здесь нажмешь и ждешь сигнала, потом код, другой код (вот здесь записан) – и твой номер... Только подожди еще немного, сейчас паштык хочет свой тост сказать.

У паштыка в правой руке была рюмка, а в левой сверток в полиэтиленовом пакете, который он отчего-то только приподнял и тут же положил перед собой на стол.

– Я в судьбах не разбираюсь, – начал староста. – Я университет марксизма-ленинизма заканчивал и даже в партии был. С ульгениями у нас Сихэрче да Анна накоротке. Но я им все равно верю, потому что Сихэрче ни разу не ошибался. Ты с Анной встретился, и раз он говорит, что у вас теперь судьба общая – я ему тоже верю. И хотя сейчас не свадьба, я вообще не пойму, что сейчас... – Он поперхнулся под строгим взглядом Сихэрче и долго старательно откашливался. – Но все равно на вашу общую судьбу у нас есть специальный подарок. Вот, возьми подарок.

Он взял со стола сверток и протянул Глебу. Тот принял и вынужден был напрячь мышцы, ощутив его вес.

– Что это? – машинально спросил он.

– Это золото, Йока, – спокойно сказал Сихэрче. – От нас, от всего села, вам с Анной. Ты нам нравишься, Йока, мы к тебе привыкли, но мы все знаем, что вы здесь не останетесь. Скоро вы уйдете, это вам немного поможет.

– Я... спасибо... – Глеб ошеломленно сглотнул. – Но... Я не знаю... Нет, я не могу...

– Ты хотел позвонить? – напомнил Сихэрче. – Возьми телефон... Анна! Кажется, ты обещала нас накормить тушеной бараниной? Мне отчего-то кажется, что она у тебя уже успела сгореть...

* * *

Лет десять назад ему пытались дать кличку «Ларь». Вероятно, по аналогии со «шкафом». Те, кто пытался, постепенно от этого намерения отказались – добровольно или лишаясь зубов без числа. Володя Ларионов действительно занимал немалый объем в пространстве, но соглашался откликаться исключительно на «Ларика».

В тюрьме он сидел всего один раз, причем попал туда совершенно по-глупому. Но, как оказалось впоследствии, – в цвет. Ему было восемнадцать. С друзьями выпивали. Ясно море – не хватило, пошли добавлять. Оказалось, что не хватило и денег, совсем чуть-чуть – копеек двадцать или пятьдесят... Вежливо попросили у какого-то лоха в шляпе. Он не дал. А Ларик как раз дал от души. По самой шляпе. Тут наехали менты, Ларик начал возмущаться. В итоге – грабеж в группе плюс сопротивление сотрудникам милиции, сопряженное с нанесением одному из них менее тяжких телесных повреждений.

Шесть лет усиленного, статьи серьезные, на зоне Ларика блатные не обижали и, хотя с вертухаями он особо не спорил, прочно держался в «честных фраерах» с перспективой дальнейшего повышения в воровском ранге.

Ларик вышел через четыре года, аккуратно в начале великих экономических перемен и тут же понял, в чем состоит его истинное призвание. Свой родной район он подмял под себя за пару месяцев. Благо ментам, ошалевшим от бесконечных реорганизаций, было абсолютно плевать на становление нового класса настоящих хозяев. Даже нищие в переходах ему платили за разрешение спокойно работать (тут, правда, приходилось делить с постовыми выручку пополам).

Ну, потом были разные славные дела и великие преодоленные трудности. Малые и большие войны. Наказание непокорных. Переговоры, компромиссы с конкурентами и устранение последних. Нормальная живая жизнь.

Ларику очень нравилось однажды прочитанное в популярной газете интервью с одним из самых первых и удачливых предпринимателей Артемом Тарасовым, где тот говорил, что

когда теперешние бандиты закончат криминальные войны и финансово определятся, то непременно оденут белые рубашки, галстуки-бабочки и станут достойными гражданами своей великой страны, которых будут уважать все окружающие. Артем Тарасов убедительно подтверждал свои слова личным примером, дважды прорвавшись в депутаты Верховного Совета. Это интервью Ларик навечно закатал в пластик и повесил в красивой рамочке в своем офисе.

Практически именно так выходило и у него самого. Последние несколько лет Ларик ни разу не разбивал своего кулака о чужие зубы, его кисти изнутри и снаружи отмылись добела и покрылись легким жирком. Сегодня Ларику принадлежало около сорока автозаправок, солидные доли в двух банках, а также – не официально – пять оптовых рынков. Ну и еще кое-что по мелочам: магазины, магазинчики, кафешки и бары на его территории продолжали исправно платить за охрану. Пора было подумать о создании следующего поколения – честного и благородного, обученного Сорбонной или Кембриджем.

Уже месяца два Ларик искал кандидатку в жены. Искал неторопливо и тщательно, осознавая сложность задачи. В длинноногих, хотя и безмозглых телках недостатка не было – только свистни, сбежится целое стадо. Важно было подобрать породистую, образованную, желательно с хорошей родословной. Тут не очень получалось: в круги, где такие водятся, Ларика пока не очень пускали. Но он не отчаивался – какие его годы?! Правда, были и иные проблемы, доставлявшие легкую головную боль. Например, на отвоеванных ранее рынках азеры, суки, снова начинали поднимать головы, пытаясь перехватить власть. Причем странным образом вступая в союз с иноверцами – армянами и грузинами, которые намеревались, видимо, решать через рынки свои вопросы с распространением наркоты и торговлей краденным. В этих вопросах были задействованы серьезные люди – «коронованные» воры, которым Ларик по статусу резко уступал. Правда, все как один – кавказской национальности. Ларик понимал, что рано или поздно с ними придется серьезно разбираться, и потихоньку пытался заручиться поддержкой славянской части авторитетов. Но все это в конечном счете не казалось слишком важным.

Главным было то, что к нему на поклон уже который раз являлся этот мальчик, от которого в прежние времена Ларика отделяли дали неизмеримые. Таких мальчиков в свое время Ларик с наслаждением возил рожей по шершавой штукатурке. За это, кстати, вкупе с патологическим невосприятием школьных наук его и выперли из школы в «ремеслуху». Но теперь Ларик на таких зла за душой не держал. Одно только удовольствие. Это было косвенным подтверждением слов великого Артема Тарасова. Ларика действительно начали воспринимать всерьез.

То, что нужно было мальчику по фамилии Власов, Ларик понял еще до того, как тот впервые раскрыл рот. Разумеется, ему нужны были бабки. Впрочем, когда мальчик таки рот раскрыл, Ларик все же слегка удивился. Ему нужны были очень большие бабки. Заинтересованный такой непосредственностью, Ларик принялся слушать очень внимательно. Мальчик хотел получить ни много ни мало двадцать миллионов зеленых, причем непременно наличными. За это Ларику был обещан неплохой навар – сто процентов годовых. Через полгода – именно на такой срок требовались деньги – он получил бы тридцать миллионов все в тех же зеленых.

Естественно, Ларик поинтересовался о гарантиях и получил ответ, что гарантией в данном случае служат все активы, а также честное имя «Восток-холдинга» – одной из крупнейших и авторитетных компаний страны. Честное имя Ларика не слишком интересовало, этот товар нынче был не в ходу, насчет активов еще предстояло серьезно разбираться, но в тот момент в голове Ларика начала формироваться некая мысль, которая не позволила ему выставить посетителя немедленно.

– Так дела не делаются, старик, – добродушно сказал Ларик. – Предложение твое очень серьезное, подумать надо, обмозговать. Да и друг друга узнать получше. Практически мы с

тобой подружиться должны. Давай-ка мы с тобой разговор перенесем в баньку. Любишь в баньке париться?

Мальчик нервно поежился и пробормотал что-то в утвердительном смысле. Предложение Ларика ему, слабо сказать, не понравилось – Ларик это прекрасно видел – но деваться было некуда. Через несколько дней они встретились в баньке Ларика, которой он очень гордился. Славная была банька – с двадцатипятиметровым бассейном и просторным баром, в котором их обслуживала девчушка в микроюбочке, не закрывавшей полностью даже округлых ягодиц.

Сходили по первой в парную и сели отдохнуть. От виски Дима отказался, тянул помаленьку пиво – оно у Ларика было не какое-нибудь баночное, а настоящее бочковое, прямо с завода. Девчушка, виляя полуголым задиком, с улыбкой принесла горячие креветки невиданного размера.

– Ты, конечно, понимаешь, старик, – начал Ларик, – что прежде чем подписаться на это дело, я должен знать, куда пойдут мои бабки.

– А какая разница? – дернул плечом мальчик Дима.

– Очень большая. Если, к примеру, на эти деньги закупят наркоту... – Он жестом оставил попытавшегося возмутиться Диму. – Это я к примеру, чтобы наглядней было. То сто процентов годовых меня, конечно, не устроят, меньше чем на двести я подписываться не стану, потому что знаю, какой будет навар с такого оборота, базар тут пойдет совсем другой. Если речь идет об оружии, там тоже лавэ свое. Ну и так далее... Я понятно объясняю?

– Я вас хочу твердо заверить, что ни о каком криминале речи быть не может, – сказал Дима.

– Слушай, старик, кончай это «вы»! Давай на «ты» перейдем – мы же почти партнеры. Порядок? Ну вот... Тогда у меня второй вопрос. Время сейчас другое, никто в «мавродики» уже играть не станет. Если не наркота, не водка, не оружие – откуда же такой навар?

– Я вас... тебя понимаю. – Дима взял со стола свои слегка запотевшие очки, тщательно протер и водрузил на нос. – У меня возникли бы точно такие же сомнения. Хорошо, я тебе сейчас на все отвечу. Эти деньги будут вложены в совершенно легальную сделку по приобретению пакета акций одной уважаемой европейской фирмы.

– Ну-у! – поразился Ларик. – Ты хочешь, чтобы я в это поверил? И сколько там будет процентов годовых? Наверное, ты ко мне относишься без уважения.

– Я еще не договорил. Деньги действительно будут вложены в фирму. Суть в том, что сделать это нужно очень быстро, в течение месяца, иначе сделка может не состояться. Естественно, процент там пойдет небольшой, но это вложение как бы на дальнюю перспективу. Кстати, если ты хочешь, можешь принять участие.

– Так с каких же баранов вы мне будете возвращать должок? – прищурился Ларик.

– Вот об этом пойдет большой и серьезный разговор.

Дима переждал, пока барменша, вновь обновлявшая кое-что на столе, скроется за дверью, и принялся негромко рассказывать, посвящая Ларика в тонкости предстоящей комбинации. Возвращать Ларику взятое «Восток-холдинг» был намерен из кредита, полученного из государственной казны. Принципиальное решение о выделении кредита уже принято, остались лишь чисто технические детали. В течение шести месяцев деньги гарантированно будут перечислены на счета «Восток-холдинга» и немедленно вернутся к Ларику. Деньги будут выделены на разработку недавно открытого в Западной Сибири перспективнейшего месторождения сысертскита – минерала, содержащего редкоземельные элементы – осмий, иридий, рутений...

– Учти, – предупредил Дима, – я тебе сейчас практически открываю государственную тайну. Кроме очень узкого круга лиц в правительстве, об этих планах еще никому ничего не известно. Желающих их порушить найдется немало и внутри страны, и особенно за границей. Сырье стратегическое, его рынок в мире сложился, прибыли – сам понимаешь...

Ларик обдумывал недолго.

– Слушай, старичок, если дело настолько перспективное, зачем же вам какая-то поганая фирма? Да на это я и сам подписаться могу!

– Не торопись, – поднял палец Дима. – Сейчас важно прежде всего понять, что наша компания вполне кредитоспособна. Мы можем выполнить обязательства, которые на себя берем. Со всеми необходимыми документами я тебя ознакомлю... Да, наверное, ты и сам хорошую проверку проведешь в том же направлении.

– Не понимаю, почему бы нам сейчас все сразу не перетереть, – начал слегка раздражаться Ларик.

– Ты все поймешь сам. Извини, пока у меня нет полномочий углублять тему. Вначале мы с тобой делаем одно, потом беремся за другое. Потому что это – разговор отдельный и очень сложный, поверь мне.

Поразмыслив еще, Ларик решил временно отступить. Он взял со стола пульт видеоманитофона и включил. На экране появилась какая-то певичка. Стройная блондиночка сексуально вращала бедрами и мяукала в микрофон.

– Узнаешь?

– Это вроде... – Дима помялся, но так и не признал.

– Это же Регина Воробьева, – самодовольно сообщил Ларик. – Классная девка. Знаешь, кто ее раскрутил? Я! Отстегнул на пару клипов, сунул кому надо на телевидении – так теперь она звезда! Трахается, правда, слабовато... Кстати! – вспомнил Ларик. – Потрахаться хочешь? Тебе барменша понравилась? Я сейчас дам команду – она обслужит в лучшем виде...

– Нет, спасибо, – поспешно отказался Дима. – Настроения нет.

– А у меня на это дело всегда есть настроение, если не сильно нажрался, – сообщил Ларик. – А, может, ты из этих... гомосексуалов? Это я так спрашиваю, мне в принципе по барабану.

– Нет-нет, – с еще большей поспешностью ответил Дима. – У меня все нормально. Просто сейчас заботы о другом.

– Вообще понимаю, – кивнул Ларик. – Когда делами башка забита, на другое не тянет... Ладно, давай еще один заход в сауну сделаем и поплаваем...

Власов без особой охоты поднялся, но тут запиликал его сотовый.

– Ты где? – мрачно спросил Радзин.

– На переговорах... Я же говорил.

– Давай быстро заканчивай – и ко мне!

– Что-то случилось?

– Что-то... Пропавший геолог объявился.

– Где?

– В... – грязно ругнулся Радзин. – Он звонил в Москву, своему приятелю из института. Сказал, что скоро приедет с серьезными новостями. Так и сказал: «С очень серьезными новостями». Понимаешь, чем это пахнет?

– Шавров знает?

– Шавров уже на пути в аэропорт. Это его брак, ему его и устранять. Но ты тоже обязан быть в курсе.

– А кому звонил, известно? В смысле, имя и прочее...

– Известно, все известно, тут будет отдельный разговор... Кстати, если Шавров там облажается, то здесь нам, возможно, потребуется помощь нашего нового компаньона. Ты меня понял?

– Думаю, да, – неуверенно ответил Власов. – Вы хотите, чтобы я ввел его в курс?

– Этого все равно не избежать... Нет, пока не нужно! Подождем. Короче, заканчивай там свою подмывку – и ко мне!

Радзин отключился. Власов осторожно положил телефон на стол, посидел еще несколько секунд в неподвижности. Бросать все и мчаться к Радзину ему не хотелось. В конце концов, он тут вел разговоры с Лариком по приказанию Радзина. Да и попариться не мешало – они же именно за этим сюда пришли. Ничего, решил Дима, полчаса никакой роли не играют. Он плотнее обернул вокруг бедер махровую простыню и направился вслед за хозяином в сауну.

В маленьком неприметном фургончике, стоявшем в переулке неподалеку от сауны, старший опер РУБОП Линник стянул с головы наушники.

– Париться пошли, – сообщил он Алямову. – Дай закурить!

– Кончай здесь дымить, Линник! – возмутился напарник. – И так не продохнешь.

– Да я в окошечко.

– Еще того лучше! Ты же демаскируешь нас, к черту.

– Вредный ты какой, Боря, – сказал Линник. – Сразу видно, что татарин. Все равно сейчас будем закругаться.

– Меня зовут Билял, – поправил Алямов. – Неужели запомнить не можешь? Триста лет мы вас учили-учили... Что там конкретно произошло?

Алямов действительно был татарин, хотя по его внешности угадать это было непросто. Широкоплечий, узкобедрый, с пушистыми ресницами над темно-карыми глазами он скорее напоминал индийского киноактера. В паспорте его имя значилось как Билял, но со школьных лет все вокруг звали его, переиначивая татарское имя на русский лад, просто Борисом. С Линником они работали и дружили семьями уже шесть лет; пикировка по поводу имен и национальностей была привычной, как утренняя чашка кофе.

– Они разбегаться собираются, – объяснил Линник. – Молодому его шеф звонил. У него, то есть у шефа, как я понял, возникли какие-то проблемы.

– Какие?

– У нас «кнопки» на его радиотелефоне пока нет, Боря. Откуда я знаю? Что слышал, то и передаю. Что же они там за комбинацию затеяли? Зачем Радзину этот бандюга?

– А он ему не нужен, – равнодушно сказал Алямов. – Ему бандитские деньги нужны, чтобы прииски эти целиком под себя подгрести. У кого сейчас деньги, как не у бандитов? В общем, день сегодня напрасно убили. По закону брать бабки взаймы у бандюков не запрещено. Ладно, поехали.

– Все-таки с этими приисками хорошо бы подетальней разобраться, – сказал Линник. – Наверняка афера какая-то. Опять, суки, собрались Родину продавать.

– Нам бы с разобраться хотя бы с Лариком, – возразил Алямов. – Насчет приисков пусть у ОБЭПа голова болит.

– Все равно Гуськову рассказать нужно.

– А как же! Обязательно. Только он тебе то же самое скажет.

Алямов перебрался на сиденье водителя и завел двигатель.

– Дай закурить-то! – воскликнул Линник. – Скажешь: и сейчас нельзя?

– На-на! – Алямов, не оборачиваясь протянул ему пачку. – Травись на здоровье...

* * *

Самолет с Шавровым на борту приземлился в Андалинске за сутки до радикальной перемены погоды. Светило жаркое солнце, раскалившее кабину ожидавшей гостя машины. Шавров тут же покрылся потом и до отказа опустил стекло, наплевав на пыль, поднимаемую колесами встречного транспорта. Впрочем, ехать до дома, где ему назначено было разместиться, было недалеко.

Встречал Шаврова сотрудник его личной группы по фамилии Драч, человек со сложным и до конца неясным Шаврову прошлым. Служил в армии, вроде воевал в Афганистане (хотя достоверно это установить не удалось даже Шаврову), потом несколько лет сидел в тюрьме за драку с тяжкими телесными повреждениями. Затем болтался какое-то время между коммерцией и криминалом, пока не попал под крыло Шаврова. Драч был силен, неглуп и, как полагал Шавров, в достаточной степени достоин доверия для выполнения некоторых деликатных поручений. Во всяком случае, в нескольких операциях показал себя вполне лояльно. Правда, Драч откровенно и страстно любил деньги, но это Шавров склонен был относить скорее к достоинствам, чем к недостаткам – мотивация поведения Драча была совершенно прозрачной.

Шавров впервые был в этом городе, который совершенно не напоминал таежный. Из аэропорта ехали по ровному, как стол, полю с пожелтевшей травой, да и в самом городе растительность выглядела столь же редкой и чахлой. Лишь где-то на горизонте виднелись сопки, покрытые темным лесом.

В доме никого не было. Шавров заранее предупредил встречавшего его Драча о нежелательности присутствия посторонних. Поэтому Драчу самому пришлось открывать, а потом запирать ворота. Тем не менее к приезду Шаврова готовились как подобает.

– Перекусим немного, – предложил Драч, распахивая дверь в комнату с накрытым столом.

– Я не голоден, – мотнул Шавров головой. – Это успеется. Вначале введи меня в курс.

Драч шумно вздохнул и развернул перед ним карту-километровку.

– Экспедиция находилась здесь, – показал он толстым пальцем на кружок, сделанный оранжевым фломастером. – В радиусе сотни километров мы прочесали практически все населенные пункты. Никаких следов не обнаружено.

– Но он откуда-то все же звонил!

– Звонок в Москву пошел по спутниковому телефону. И это, признаться, меня смущает. Где он взял спутниковый – не могу понять. Тут же тайга, глухомань!

– А это что? – показал Шавров на отметку на карте.

– Это фактория. Там спутникового телефона нет и не было. Да и ни к чему: туда проложена нормальная телефонная линия.

– Это все, что вам удалось? – скептически спросил Шавров.

– Пока да. – Драч избегал смотреть в его сторону. – Возможности у нас тут... ограниченные. Ну, конечно, мы зарядили кого надо в ключевых точках, чтобы смотрели за чужаками. Но пока результатов нет.

Шавров заложил руки за спину и выпрямился над картой.

– Теперь послушай, что я скажу. Не знаю насчет возможностей, но я вижу, что в основном вы тут хреном груши околачивали. Про старательские артели тебе хотя бы известно?

– Конечно, – быстро ответил Драч. – Тут работают две артели. Вот, здесь и здесь. – Он показал на карту. – Мы туда в первую очередь наведались. Но там все чисто, никто из посторонних на них не выходил.

– Так вот, если тебе интересно, – продолжал Шавров, словно и не слышал сказанного. – У каждой из этих артелей есть портативные станции спутниковой связи (сейчас у этих артельщиков что хочешь есть!). И тот самый звонок прошел с одной из них. Артель называется... – Он достал из кармана листок, взглянул и вновь спрятал. – «ООО “Чулым”». Что ты скажешь по этому поводу?

– Так мы там были! – Драч испытывал замешательство. – Две недели назад...

– Так еще нужно побывать! – передразнил его Шавров. – И как можно скорее! Как туда добираться?

– По реке. На моторке.

– Вот и пошли своих орлов. На моторке или на бревнышке – мне все равно. Пусть только след возьмут. Кстати, сдается мне, что моторкой ты не обойдешься. В случае чего вертолет можно найти?

Драч выразительно потер большим пальцем об указательный.

– Сейчас все можно найти, были бы бабки. Летуны тоже часто без зарплаты сидят.

– Насчет бабок не беспокойся, – сказал Шавров. – Люди хотя бы у тебя надежные?

– Народ грамотный, – осторожно ответил Драч. – Двое местных есть, тайгу понимают... Так я сейчас с ними свяжусь? Чтобы насчет вертолета и прочее?

– Сделай одолжение... Подожди! Скажи-ка мне сначала, как идет следствие по нашим двум утопленникам? Ты в курсе?

– Абсолютно! – Драч обрадовался возможности показать свою осведомленность. – Здешняя ментовка у меня хорошо прикормлена. Следствие закрыто. Трупы опознали... условно говоря. Да и как опознаешь, если их по порогам столько било. Официальная причина смерти – утопление в результате несчастного случая. Так что их просто списали – и все. Короче, версия катастрофы на реке проходит нормально. Река все же бурная.

– Бурная-то бурная, – сказал Шавров. – Но только нашего приятеля ты хоть из-под земли достанешь.

– Достану, – хмуро кивнул Драч.

– Ладно, теперь связывайся, – разрешил Шавров. – Про меня им говорить не стоит, команду своими людьми самостоятельно.

– Понял!

Драч мгновенно выбежал из дома, а Шавров прошел к столу, поглядел на сервировку и решил, что в самом деле пора перекусить. Сочащиеся «слезой» ломти красной рыбы, куски мяса, посыпанные зеленью, водка в хрустальном графинчике, отдельно – длинные кустики зеленого лука, снежно-белые у основания, с темно-зелеными, сочными перьями – все это выглядело весьма аппетитно. Шавров крикнул, грузно опустился на стул, придвинулся к столу поудобнее, налил рюмку и, сложив несколько раз в ладони луковый побег, ткнул им в солонку...

* * *

Глеб вошел в сени и сбросил прямо на пол насквозь пропитавшийся влагой брезентовый плащ. Впрочем, тут же поднял и аккуратно повесил, распялив на торчащих из бревен гвоздях. Напрасная забота. Плащ конечно же не просохнет и до утра. Второй день подряд лил дождь. Он не прекращался ни на минуту, оставаясь одинаково ровным днем и ночью, словно кто-то из небожителей, отвечавших за погоду, раскрутил в своем хозяйстве вентиль да позабыл закрыть. Дождь изъясил из привычной картины мира сопки, перекрасив горизонт в однообразный и скучный серый цвет, он уже почти переполнил реку, которая подступила к основанию лодочных мостков, он надоел Глебу, раздражал его, но ничего с этим поделать было невозможно.

В избе было тепло, вкусно пахло свежее испеченным хлебом – Анна только что вытащила из печи каравай, и у Глеба немедленно потекли слюнки. Настроение немного улучшилось.

– Когда же это кончится? – буркнул он, кивая в окно. – Тропики какие-то!

– Я сама удивляюсь, – отозвалась Анна. – В это время такой дождь редко бывает. Как будто осень наступила. Но ведь рано еще!

– И как раз в тот день, когда мы собрались ехать!

– Теперь придется ждать, – сказала она. – Вода в реке высоко поднялась, ущелье теперь и с мотором не пройти, разобьет о камни.

– А сколько ждать?

– День или два после того, как дождь кончится, – объяснила Анна. – Сначала вода должна упасть.

– Может, Сихэрче попросить, пусть с Бай-Ульгеном потолкует, – усмехнулся Глеб, – наладит погоду.

Анна строго покачала головой, но ничего не ответила. Она не показалась Глебу слишком суеверной или религиозной, но шутки на эти темы ей, как и другим жителям поселка, не нравились. Разве что бесшабашный Иван изредка позволял себе пройтись по адресу небожителей и прочих местных духов.

– Я сегодня слышал, как где-то поблизости вертолет кружил, – сообщил Глеб. – Интересно, кто-то сюда залетел? Здесь еще какие-нибудь поселки есть?

– Нет. – Анна в этот момент закончила формовку очередного каравая и готовилась сунуть его в печь. – Ближайшее жилье далеко.

– Может, геологов высаживают или что-нибудь в этом роде?

– Может быть, – пожала она плечами, отодвигая заслонку печи. Глеб сидел в стороне, но и тут почувствовал, как оттуда в избу пыхнуло крутым жаром.

– Вот если бы они к нам залетели, мы могли бы с ними отправиться, как ты думаешь, Анна?

– Может быть, – повторила она. – Ты очень торопишься.

Глеб уловил в ее голосе нотки осуждения и почувствовал себя немного виноватым.

– Так ведь нужно мне в Москву, – сказал он. – На самом деле, нужно...

Они решили ехать в Москву вместе. Честно говоря, Глеб довольно плохо отдавал себе отчет, почему он принял именно такое решение, гораздо важнее было то, что он не сомневался в его правильности. Он не вполне представлял, что у них с Анной получится. Все что здесь с ним произошло, со стороны показалось бы маловероятным, может быть, даже смешным. Но сам-то Глеб глядел не со стороны. Он чувствовал, что все последние события совершались в соответствии с железной логикой Судьбы, которую ему еще только предстояло постигнуть.

А еще – была Анна. Странная, простая и загадочная в одно и то же время. Даже в минуты абсолютной близости Глеб чувствовал себя рядом с ней отнюдь не хозяином и повелителем, а словно бы – если подобное сравнение уместно – первоклассником в постели любимой учительницы. Он не мог, как ни пытался, даже самому себе описать то, что к ней испытывает. Слово «любовь» он отчего-то опасался использовать. Единственное, в чем он был уверен, что в отсутствии Анны он чувствует себя много хуже, чем когда она рядом. «Приворожила», – с определенной дозой самоиронии вынужден был сделать Глеб единственно доступное ему заключение. Однако без всякого неудовольствия.

Ему иногда казалось, что уезжать из поселка Анне не слишком хочется, хотя она ни разу не пыталась с ним об этом говорить, однако о том, чтобы отправиться в одиночку, Глеб с ней и заговаривать не собирался. И все же даже ближайшее будущее виделось в тумане. Представить Анну на городских улицах, в переполненном вагоне метро или за ресторанным столиком Глеб пока что никак не мог. В голову с удивительной назойливостью лезли наивные кадры из кинофильмов типа «Приходите завтра» про таежных красавиц, внезапно попавших в центр цивилизации. Он тряс головой, выбрасывая прочь эти глупости, но рано или поздно они возвращались вновь...

В шум дождя вплелся посторонний звук. С каждой секундой он густел, креп и скоро легко перекрыл все прочие. Низко над селом шел вертолет, его темный силуэт Глеб ясно увидел через окно.

– Это они! – крикнул он.

Вертолет тем временем завис в воздухе и мягко опустился на ровную площадку в центре поселка. Грохот двигателя смолк. Из ближайших домов к месту посадки спешили селяне.

– Видишь, как удачно! – возбужденно произнес Глеб. – Так я побегу договариваться?

Он взглянул на нее и против воли застыл на месте. Анна стояла неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то, слышному ей одной.

– Подожди! – сказала она странно напряженным тоном. – Погоди, Глеб, не торопись!..

* * *

Драч сидел за столом напротив старосты и смотрел на него, как ему казалось, строго. На самом же деле взгляд его от усталости и досады был скорее угрюмо-злым. Последние пять суток прошли практически без отдыха. Вначале путь по реке на стоянку старателей. Долгий и трудный (литра на два водки) разговор с ихним бригадиром, потом возвращение в Андалинск, поиски вертолета, ожесточенная торговля с пилотами за каждый зеленый доллар («совсем оборзели летуны, блин!») ожидание погоды, новый раунд торговли и, наконец, полет без всякого ожидания.

Драч до глубины души возненавидел весь этот поселок еще до того, как впервые его увидел. Вместе со всеми жителями («хреновыми чукчами-тунгусами») и всем, что здесь двигалось или стояло незыблемо. Старосту этого, Петра Корнеевича, чукчу косоглазую, он ненавидел намного сильнее, поскольку вынужден был с ним еще разговаривать.

Только что он предъявил паштыку удостоверение сотрудника центрального аппарата ФСБ и злорадно наблюдал на лице собеседника изрядное смущение. Удостоверение было подлинным (если не считать переклеенной фотографии Драча), его вместе с деньгами вытащил из кармана подвыпившего и потерявшего бдительность контрразведчика какой-то московский жулик, да не выкинул, как предписывают правила профессии (карманник был то ли неопытным, то ли слишком жадным), а продал за сотню одному из людей Шаврова.

– Что же вы, Петр Корнеевич, вводите органы в заблуждение? – медленно цедил Драч.

– Какие органы? Никого я не ввожу, – с некоторым смущением отвечал паштык. – И никому.

Драч подозрительно уставился на него, заподозрив лингвистически замаскированную издевку, но спустя секунду отвернулся, решив, что это просто оговорка («Откуда, блин, у туземца мозги?!»).

– К вам ведь приезжали сотрудники, спрашивали про чужих людей. А вы что им ответили?

– Какие чужие? Нет у нас никаких чужих! А сотрудникам мы всегда помогаем. Когда в прошлом году из тюрьмы трое убежали, наши охотники их в тайге нашли. Всех поймали, передали в милицию. Разве вы этого не знаете?

– Знаю, знаю, – пробормотал Драч. – Я вас сейчас про другое спрашиваю.

– А другого у нас никакого не было.

– Вот этого не надо, Петр Корнеевич! – Драч все больше входил в роль всезнающего представителя закона. – Телефон спутниковый у старателей кто покупал?

– Мы покупали. Ну и что? Это разве запрещено?

– Мы с вами не в игрушки играем, – против воли Драча с его языка срывались предложения и фразы из детективных фильмов и книг, неведь с каких пор застрявшие в памяти. – Органы обмануть нельзя. Нам все известно. Человек, которого мы разыскиваем, звонил в Москву как раз с этого телефона.

– Ну и что? – Староста пожал плечами, полностью обретая уверенность. – Да, приходил сюда человек. Кто – не знаю, геолог, наверное. Геологи у нас часто бывают, в иной год даже два раза приходят. Попросил позвонить. Почему не дать? Мы геологам всегда помогаем. Мы всем всегда помогаем.

– Где он сейчас?

– Кто ж знает! Тайга большая. Позвонил и пошел своей дорогой.

– Хитришь, Корнеевич! – погрозил пальцем Драч.

– Зачем мне хитрить?

– Ну а если мы обыск в селе устроим по всем правилам?

– Пожалуйста! – тут же согласился староста. – Обыскивайте, если надо. Только никого вы не найдете, могу сразу сказать.

В этом Драч и сам не сомневался. Надеяться впятером отыскать человека в селе, особенно если местные не горят желанием его выдать, затея бесполезная.

– Я вас официально предупреждаю об ответственности за пособничество преступнику, – сделал Драч еще одну попытку.

– Какому преступнику? – спросил староста. – А что он сделал?

– Об этом разговор потом будет, – веско обронил Драч. – Это пока тайна следствия.

– Хорошо, – легко согласился паштык. – Тайны мне никакой знать не нужно, своих дел хватает. Однако вы летели долго, устали. Нужно немножко покушать, отдохнуть.

Драч действительно устал и испытывал сильный голод.

– Это можно, – кивнул он. – Сейчас пойду со своими людьми переговорю.

Он вышел на крыльцо, и к нему тут же подбежал изнывающий от ожидания летчик.

– Ну что, командир, летим?

– Летим-летим, – проворчал Драч. – Давай хоть порубаем немного. С утра крошки во рту не было! Вон хозяин нам сейчас стол накрывает.

– Я такое предложение поддерживаю, – обрадовался летун. Ожидание для него обрело цель. – Но учти, вылетать надо не позже чем через час, пока не начало темнеть, а то в этом молоке заблудимся к черту. Или в сопку въедем. Тебе что, хочется с сопкой поцеловаться?

– А тебе? – осведомился Драч. – Ты меня не лечи, я не дефективный. У тебя приборы есть.

– У всех приборы, – туманно заметил летчик и пошел звать напарника.

Тем временем из дома незаметно для неожиданных гостей выскользнул один из сыновей старосты. Поглядел издали на темный силуэт вертолета и неторопливо зашагал к дому Анны, хлюпая по лужам огромными резиновыми сапогами. Стоявшая на крыльце Анна увидела его издали, подбежала к калитке, коротко переговорила и вернулась в избу.

– Уходить надо, – сказала она Глебу. – Люди, которые прилетели, – они тебя ищут.

– Что за люди?

– Паштык не знает, но они ему не понравились. Предъявили документы, что из органов, только он им не верит, потому что ведут они себя совсем не так, как положено.

Несмотря на серьезность момента, Глеб не сумел удержаться от вопроса:

– А как положено? Откуда Корнеич знает?

– Ты не смотри, что Корнеич в глуши живет, – слегка обиделась за старосту Анна. – Он многое повидал и в людях хорошо разбирается. Колька, сын его, передал, что разговаривают те люди не как власть, а словно уголовники, которые властью притворяются.

– Сейчас вся власть – уголовники, – пробурчал Глеб себе под нос, Анна не услышала или не захотела услышать, не оглянувшись даже, и он сменил тон, спросил вполне по-деловому: – Куда пойдем?

– В охотничью избушку, в тайгу. Это недалеко, километров десять. Поживем там несколько дней, потом вернемся.

– Так они сейчас улетят, – засомневался Глеб. – А твой двор? На кого ж ты его бросишь?

Анна покачала головой, медленно-медленно, так что Глеб осознал серьезность ее решения.

– Они так просто не уйдут, Глеб, это я знаю. Паштык велел передать, что ищут они тебя очень сильно и ему не поверили. Улетят – так недалеко, обязательно где-то поблизости станут тебя караулить. А за птицей да коровой соседи посмотрят, не в первый раз.

- Анна, – внезапно проговорил Глеб, – я не знаю, что им надо, но ты должна знать...
- Потом расскажешь, – торопливо перебила она. – Собирайся скорее...

Как назло, едва они уложили заплечные мешки, дождь на время перестал. Задувший ветер разогнал туманную морось, почти полностью восстановив в округе видимость, и уходить им пришлось по-партизански, огородами, перебегая от дома к дому, потому что возле вертолета слонялись какие-то тусклые фигуры. Забежав за очередной забор, Глеб попросил у Анны ее бинокль «Карл Цейсс, Йена», какие тут водились в каждом доме – словно затерянное в тайге село Тангуш сделалось в одночасье объектом целевой поставки знаменитой оптической фирмы. На самом деле все было много проще. Фактория, где дважды в год централизованно отоваривалось село, было завалено подобным импортным хламом. Конечно же бинокль производил не Цейсс, а его младшие троюродные братья из Юго-Восточной Азии. Впрочем, на качестве это пока не отражалось, потому что возрастом бинокль был еще молод...

Глеб тронул верньер, наводя на резкость, и бинокль запрыгал в его руках. Унять эту внезапную дрожь просто так не получилось, Глеб плотнее привалился к опоре.

- Кто там? – спросила Анна, мгновенно услышав его волнение.
- Семен! – шепотом воскликнул Глеб. – Точно... Это Семен!

Он повесил бинокль на шею и спрятал под куртку.

– Корнейч-то был прав. Не те это люди, Аннушка. Бандиты это. Действительно, двигать отсюда надо!

Они пересекали луг, низко пригибаясь к мокрой траве, заметить их сейчас можно было только от крайних домов поселка, и единственным человеком, которому это удалось, оказался невысокий коренастый охотник, проводивший их мрачным взглядом из-под ладони козырьком...

Они вошли в лес, и Анна немного сбросила взятый резкий темп. Теперь она двигалась ровным охотничьим шагом, каким ходили ее отцы, деды и прадеды, покрывая ежедневно таежными тропами десятки километров. Глеб довольно бодро шагал следом, однако уже через полчаса изрядно вспотел. Вскоре он обнаружил, что висевший за его спиной карабин то и дело цепляется за ветки, что брезентовый плащ, собравший влагу с мокрых листьев и ветвей и вновь промокший до нитки, бьет по коленям, сковывая движения, а ляжки мешка давят и натирают плечи даже сквозь толстую ткань одежды.

Затяжной подъем по склону сопки, покрытой частым мелколесьем, закончился, Анна сбросила мешок и села рядом.

- Отдохнем немного.

Глеб понял, что эта остановка сделана исключительно ради него. Мужское самолюбие его было задето.

- Да я не устал, – сдержанно сказал он, оставаясь на ногах.

– Садись, – мягко проговорила Анна. – Идти еще далеко. Тебе хорошо – ты сильный, а мне тяжело. Я же не охотник.

Дальше Глеб спорить не стал, растянулся рядом с ней, подложив под голову мешок. Воздух по-прежнему был густо насыщен влагой, но дождь, на их счастье, не возобновлялся. Лишь изредка мокрые ветви деревьев с тихим шорохом роняли в траву тяжелые капли.

- А мы с дороги не собьемся? – на всякий случай спросил Глеб.

– Не собьемся, – мотнула головой Анна. – Я в эту избушку с детства ходила. Если надо, и ночью дорогу найду.

- Про нее, наверное, в Тангуше все знают?

- Конечно, – сказала она.

- Это не слишком здорово, – пробормотал он, и Анна посмотрела на него с удивлением.

– В Тангуше все знают, а чужие – нет. И никто им о ней говорить не собирается. Ты об этом подумал?

– Вроде того, – согласился Глеб.

– Тогда пошли дальше, – заключила Анна. – Нам до темноты успеть нужно.

Она одним движением вскинула на плечи мешок, ружье и, не оборачиваясь, зашагала вниз по склону. Вот тут, на спуске, Глеб в полной мере оценил подарок Ыльчина. Кожаные чарыки и в самом деле совершенно не скользили, ступать в них было легко и удобно. Глеб почувствовал, что постепенно втягивается в темп перехода, и приободрился.

Вдруг впереди в кустах произошло какое-то движение. Анна остановилась и присела, сбрасывая с плеча ружье. Мгновением позже Глеб повторил то же движение. Несколько секунд они сидели, вслушиваясь в окружающую влажную тишину. Хрустнула ветка. На полянку вышел изюбрь, потянул воздух широкими ноздрями, нервно переступил передними копытами и, видимо, учуяв тревожащий запах людей, легким прыжком скрылся в чаще.

– Пошли, – сказала Анна. В ее голосе Глеб услышал удовлетворение. – Далеко вокруг никого нет. Зверь других людей не почуял, только нас.

Спуск вновь плавно сменился подъемом, теперь их окружали массивные стволы столетних деревьев, почва была покрыта толстым слоем опавшей хвои и сухих ветвей, отзывавшихся мокрым хрустом при каждом шаге. То и дело им приходилось обходить поваленные, вывороченные с корнем таежными шквалами лесные гиганты. Снова зарядил дождь. Вначале скупой, моросящий, он постепенно набрал прежнюю силу. Спасаясь от щекочущих струй, Глеб спрятал лицо, плотнее натянув капюшон плаща.

* * *

Сытный обед и стакан брусничной настойки немного примирил Драча с действительностью. Даже если проклятый геолог оставил поселок целую неделю назад, оставался немалый шанс перехватить его на подступах к цивилизованным местам. Неделя в здешних местах не срок, особенно если приходится рассчитывать лишь на свои ноги. Конечно, сомнения в искренности паштыка Драча не покидали, но выбора все равно не было. Верь не верь, проверить старосту Драч не мог. Приходилось улетать из Тангуша ни с чем и строить новые планы.

Пока его команда, точно так же умиротворенная едой и спиртом, подтягивалась к вертолету, Драч решил прогуляться к реке. Он шел по улице, вполне физически ощущая на себе неприветливые взгляды селян, смотревших на него из-за занавесок. Среди бела дня поселок казался вымершим, по дороге Драчу не попался ни один человек, лишь за оградой одного-двух дворов он сумел углядеть какое-то движение.

«Туземцы гребаные», – равнодушно подумал Драч, оскользнулся на раскисшем спуске и выругался в голос.

– Эй! – услышал он и огляделся по сторонам.

Фигура в брезентовом плаще выступила из кустов. Человек поманил Драча к себе. Машинально коснувшись рукоятки пистолета в наплечной кобуре, Драч подошел. Узкие глаза аборигена непроницаемо глядели на него из-под капюшона.

– Здорово, брат, – сказал Драч. – Ты чего хотел?

– Кого вы ищете, в селе нет, – сказал абориген.

– Я и так знаю, – тут же насторожился Драч. – Староста ваш все понятно объяснил.

– Они тут были, только в тайгу ушли, – продолжал незнакомец. – Сразу как вы прилетели.

– Кто «они»?

– Тот человек и баба его.

– Баба? Откуда у него баба? Или местная?

– Местная, – ответ мужика прозвучал с непонятной Драчу заминкой.

– Ты смотри-ка, – удивился он, – какой приткий! И бабу себе успел найти. Как это он сумел?

Мужик не отвечал, смотрел на Драча молча и холодно, впрочем, того гораздо больше интересовало совсем иное.

– Так куда они пошли?

Мужик неопределенно махнул рукой в сторону сопки.

– Думаю, в избушку охотничью. Больше тут идти некуда.

– Далеко?

– Нет. Один дневной переход. На вертолете совсем быстро, только садиться там негде.

– Слушай, мужик, тебя как звать?

– Аким, – сказал Донгаров.

– Ты нас проводи к этой избушке, Аким, – вполне дружелюбно предложил Драч. – Я тебе за это хорошие бабки заплачу. Нам этот человек нужен позарез. Согласен?

– Сколько?

– Ну, ты деловой, – с уважением сказал Драч. – Сто баксов.

– Доллары, да? – переспросил Донгаров.

– Ясное дело. Доллар, он и в тайге зеленый. Годится?

– Двести!

– Ну ты крутой! – удивился Драч. – Откуда только такая прыть... Ладно, двести. Когда пойдем?

– Сейчас идти поздно, ночь придется в тайге ночевать. Завтра пойдем.

– Нет уж, Акимушка, – возразил Драч. – Кто платит, тот и заказывает музыку. Выходим прямо сейчас. Ничего, переночуем, не размокнем.

– Хорошо, – сказал Донгаров. – Только бабу трогать нельзя, ты понял?

– Что, красивая? – осклабился было Драч, но почувствовав отрицательную реакцию собеседника, пренебрежительно пожал плечами. – Она мне без надобности. Бабу свою себе можешь оставить. Давай, Аким, иди, собирайся!

– Нет. – Донгаров отрицательно покачал головой. – Нельзя чтобы нас вместе видели, а то пошлют предупредить. Ты лучше сейчас улетай, как хотел. За излучиной реки, вон в ту сторону, есть каменная отмель, там вертолет посадить можно. Там ты со своими людьми из вертолета вылезешь. Пойдешь в сопки и будешь ждать меня вон на том перевале.

Он показал рукой левее покрытой лесом вершины.

– Понял, – кивнул Драч. – Только смотри, не задерживайся. Время – бабки!

– Я там раньше тебя буду, – с очевидным превосходством сказал Донгаров, повернулся и исчез в кустах.

* * *

Вышедшая в пятницу в «Финансовом обозрении» статья ничем не заинтересовала простого обывателя. Он ее попросту не заметил, уделив основное внимание прогнозам изменения курса доллара, рейтингам до сих пор не лопнувших банков и предлагаемым ими процентным ставкам по срочным вкладам. В статье сухим, почти бухгалтерским языком рассказывалось о возможном направлении инвестиций в добывающие отрасли. Три абзаца были посвящены недавно разведанному месторождению редкоземов в окрестностях Андалинска, перспективность которого должна была подтвердить геологическая экспедиция, направленная туда Министерством геологии.

Обыватель эту статью пропустил, зато заметили специалисты и журналисты namного более популярных изданий. Уж во вторник числящаяся «полужелтой» газета с огромным тиражом оперативно откликнулась материалом, претендующим на сенсацию. В материале, полном полунамеков и многозначительных умолчаний, говорилось о беспрецедентной атмосфере секретности, окружающей все, что связано с Андалинским месторождением сысертскита. Со

ссылкой на компетентные источники утверждалось о жесточайшей, хотя и невидимой взгляду схватке, развернувшейся между российскими олигархами и рядом крупных зарубежных компаний за контроль над месторождением. Особое внимание уделялось роли «Восток-холдинга», якобы скрытно, через многочисленные дочерние и подставные предприятия вкладывающего в эту компанию огромные средства, использующего все возможности, дабы еще до открытия официального тендера оттереть, скомпрометировать, уничтожить возможных конкурентов.

Статья завершалась таинственной историей о бесследно пропавшей экспедиции – той самой, что призвана была уточнить первичные данные. Автор обосновывал предположение, что экспедиция вовсе не пропала. Что ее участники просто полностью изолированы от общения с внешним миром в интересах того же «Восток-холдинга», а добытые ими результаты засекречены даже от правительства.

На следующий день в той же газете тема была продолжена. Журналист посетил институт, из сотрудников которого формировалась геологическая партия. Оказалось, что некая фирма «Полюс-М», являющаяся дочерним предприятием «Восток-холдинга», профинансировала несколько проектов изыскательских работ, давно законсервированных из-за отсутствия средств. Напрямую с экспедицией это не было связано. И все же внезапный интерес к проблемам геологоразведки фирмы «Полюс-М», до сего времени занимавшейся лишь торговыми операциями, вызывал множество вопросов.

Зачем понадобилось вкладывать средства в явно неприбыльные проекты? Статья осторожно намекала на то, что в данном случае речь идет о тщательно завуалированной оплате неких услуг в ближайшем будущем – информационных, консультационных или каких иных – в этом еще предстояло разобраться.

Со дня отправки экспедиции миновало более двух месяцев, но на свои рабочие места геологи Евтухов, Лагошкин и Карзанов не вернулись и вообще не давали о себе знать. Попытка отыскать их по месту жительства репортеру не удалась. Странно, но оказалось, что все трое были людьми одиночками. Лишь один из них – Евтухов – когда-то был женат, но пребывал в разводе уже несколько лет, и его бывшая супруга не проявила никакого интереса к тому, где и чем тот занимается в настоящее время. К тому же Карзанов и Лагошкин вообще не имели родни в столице, поскольку приехали в Москву из других городов.

Газета пообещала читателям продолжить расследование, для чего в ближайшее время в Андалинск будет направлен специальный корреспондент.

Таким образом, во всей истории появился явно детективный поворот, в пресс-службу «Восток-холдинга» принялись звонить представители пишущей и электронной прессы. Все они выслушали одинаково вежливый отказ пресс-секретаря от каких-либо комментариев, якобы в связи с полным отсутствием информации.

Биржа ценных бумаг отреагировала заметным скачком котировки акций «Восток-холдинга», однако в течение дня первоначальный ажиотаж спал, стоимость акций зафиксировалась на отметке, лишь ненамного превышающей утренние показатели.

– Пока все идет неплохо, Дима, – сказал Радзин и тут же постучал костяшками пальцев о стол. – Этот «расследователь» тоже из твоих школьных друзей?

Власов засмеялся.

– Нет. Просто вовремя прикормленный. Я ему изредка сливаю кое-какую информацию. Между прочим, эти статейки он написал без всякой материальной стимуляции с моей стороны.

– Поверил?

– Думаю, да. Я бы и сам поверил на его месте. В сущности, почти все сказанное в статьях – абсолютная правда. За несколькими ма-аленькими деталями... Кстати, мне вчера вечером звонил Ларионов. Настаивает на встрече, и я, кажется, догадываюсь почему.

– Неужели тоже купился? Хочет поиграть?

– Именно!

– Ты его еще не посвятил в суть вопроса? – спросил Радзин.

– Я не считал необходимым торопиться.

– Правильно, – кивнул Радзин. – Однако будь очень осторожен. Этого человека водить за нос не стоит.

– Но, шеф! До сих пор мы с ним были абсолютно искренни. Во всем, что касается его личных денег.

– Пойми, Дима, «всего» ему мало, – вяло проговорил Радзин. – Таких, как он, может устроить только «абсолютно все». Все равно мы не сможем долго держать его в неведении. Если он попытается начать собственную игру, это может дорого обойтись. И ему, и нам. Занять его чем-нибудь, что ли... Слушай-ка, Дима, пусть он пока пощупает приятеля нашего геолога, которому тот звонил в институт. Узнает, что ему известно и прочее. Тем более, что пока Шаврова в городе нет. Но – аккуратно, без его обычных бандитских штучек. Сможешь его подключить?

– Думаю, что да, – наклонил голову Власов.

Он хотел что-то уточнить, но тут дверь бесшумно открылась, и секретарша внесла поднос с кофе. Они помолчали, одинаково заинтересованно ощупывая взглядами ее стройные, едва прикрытые короткой юбкой бедра.

– У тебя с ней что, Дима? – осведомился Радзин, когда секретарша вышла.

– Так. Встречаемся, – ответил тот без особой охоты.

– Романы на службе вредят делу. Забыл пословицу?

– Она мне не подчиняется напрямую, шеф, – возразил Власов. – Тут я совершенно чист.

– Смотри, смотри, – погрозил Радзин пальцем. – Обидишь девочку – я тебя не похвалю. Обиженных возле себя держать не желаю, на них у конкурентов всегда повышенный спрос. Но, конечно, если у вас чистое и возвышенное... то беру слова обратно.

– Она сама кого хочешь обидит, – усмехнулся Власов. – Вы, шеф, не знаете современную молодежь. Насчет чистого и возвышенного сейчас сложно. Хотите, с подружкой познакомлю? Сами убедитесь. Не пожалеете.

– Обойдусь. – Радзин до сих пор не желал никого, кроме своей жены, и обсуждения подобных тем не одобрял. Дима понял ошибку и поспешил ее исправить, переведя разговор на другую тему.

– Что слышно от Шаврова?

– Сообщает, что прочно взял след. Обещал, что результат последует очень скоро.

– Пока это только слова. – Власов поспешил использовать повод, чтобы уколоть отсутствующего соперника в борьбе за расположение шефа.

– Шавров серьезный человек, Дима, – сказал Радзин. – Он слов на ветер не бросает. И лишнего не говорит.

– Посмотрим, посмотрим... – пробормотал Дима, словно отвечая на собственные мысли. – Время покажет.

На столе Радзина проснулся телефонный аппарат, по которому ему звонила только жена. Он поднял трубку, не прижимая пока микрофон к уху.

– У тебя все? – спросил он Власова, но тот и сам все правильно понял и уже шел к двери.

– Я слушаю, солнышко, – ласково сказал Радзин в трубку. – Ну, как у тебя дела?..

* * *

В избушке было довольно чисто, а когда Анна вымела ее, обмахнула пыль и развесила по углам пучки полыни от комарья, сделалось почти уютно. Глеб не стал трогать запас колотых дров под навесом и нарубил тут же, неподалеку, сухостоя. Тем более что протапливать избушку никакой необходимости не было, ночи стояли еще достаточно теплые, топливо им было нужно,

лишь чтобы приготовить еду. Потом, пока Анна занималась стряпней, он сходил на ручей по воду. Ему пришлось долго оттирать песком и мелкой галькой изрядно проржавевшее изнутри ведро, от ледяной воды руки покраснели и слегка распухли.

Дождь лил по-прежнему, лишь ненадолго утихая. Глеб развесил у печки вымокший плащ и в ожидании ужина присел на лавку. От проделанного перехода натруженные мышцы слегка ломило, но чувствовал себя он вполне нормально. По приблизительному подсчету Глеба за день они действительно отмахали километров десять – очень приличный темп для подобной местности. Он подумал, что может наконец-то считать себя полностью восстановившимся после болезни. Впрочем, Анна, казалось, вообще не испытывала никакой усталости. Движения ее были по-прежнему быстрыми и точными. Даже в мешковатой таежной одежде она выглядела стройной и невероятно соблазнительной. С удовольствием наблюдая за ней, Глеб почувствовал нежность и возбуждение.

Ужинали просто и сытно – мясом, хлебом и черемшой, которую нарвала Анна неподалеку от избушки. Запивали крепко заваренным чаем.

– Почему они тебя ищут? – спросила Анна. Она впервые за все время заговорила с ним на эту тему. – Что ты им сделал, Глеб?

– Ничего, Аннушка, – вздохнул он. – В том-то все и дело.

– Если не хочешь – не говори, – сказала она без малейшей обиды.

– Я тебе все расскажу! – заторопился он, желая исключить малейшие подозрения в неискренности. – Понимаешь, я действительно ничего плохого не сделал. Но, в общем, оказалось, что помимо воли ввязался в сомнительную историю. Мой приятель Сережка Евтухов предложил мне принять участие в экспедиции. Платили очень хорошие деньги, я таких в жизни не видал. В последнее время особенно. То есть обещали очень хорошо заплатить, когда мы вернемся...

Конечно, я тогда должен был задуматься: экспедиция плановая, мы так и так туда поедем, зачем еще платить?... Понимаешь, Аннушка, я свою профессию очень люблю, и мне страшно не хотелось бросать то, чем я намеревался заниматься всю жизнь. Но в институте последние годы вообще ни черта не платили. Наука у нас, как известно, давно закрыта. Чем мы только на хлеб не зарабатывали – смешно вспоминать...

А тут – вроде бы настоящее дело, все законно и деньги... Компания, которая этой экспедиций заинтересовалась и помогла нам с оборудованием, тоже вполне солидная... Перед самым отъездом был странный разговор... Нам словно бы дали понять, что ничего искать не требуется. Конечно, мы должны были пройти определенным маршрутом, взять пробы по заранее составленной программе. Но результаты проб их совершенно не интересовали, в этом заключалось самое главное. Понимаешь?

– Нет.

– Тем, кто готовился спонсировать эти полевые работы, было неважно, есть там сысертскит или нет. Мы должны были только подтвердить данные предыдущей экспедиции. Вот на что нам настойчиво намекали. Вначале я просто не принял это всерьез. В самом деле, если до нас проводилась квалифицированная разведка, все как положено, по полной программе, наша экспедиция действительно только формальность. Ну, обновить сведения, уточнить по мелочам – такое случалось и раньше, ничего необычного. Зачем тратить лишние деньги на полноценный поиск, если и так все уже известно!

Глеб взял короткую паузу, чтобы собраться с мыслями.

– Но когда мы начали работать, – продолжал он, – то поняли, что и те, старые, данные почти сплошная липа. Там действительно присутствовали следы минералов – только следы! – чтобы говорить о полноценном месторождении, этого совершенно недостаточно. Я бы и сам с удовольствием готов дать хоть какой-то ответ о размерах, содержании, качестве и прочее, нужно еще сезон или два работать полной партией. Причем без всякой гарантии на успех. То

есть отчет предыдущей экспедиции был чересчур оптимистичен. А может, намеренно сфальсифицирован – я не знаю. И нас послали туда, чтобы мы это вранье подтвердили. Причем с улыбочкой намекали на это почти в открытую. Я-то, дурак, вначале решил, что они просто так шутят... Ну и обещали огромные премиальные. Истинное положение вещей наших нанимателей не интересовало. Вначале в принципе и нам было на это плевать – мне стыдно тебе в этом признаваться, но это действительно так. Вообще говоря, раньше, при советской власти, такое тоже случалось. Одному начальнику нужно подкрепить правильность своей теории, другому – диссертацию защитить. Третьему – хоть чем-то отчитаться за потраченные средства. Это, конечно, плохо, но большого вреда не приносило: когда приходило время принимать серьезные решения – на государственном уровне, – там начинались совсем другие дела...

– Что случилось потом?

– Потом... понимаешь, потом в какой-то момент стало просто стыдно. И страшно. До какой же степени мы все опаскудились! К тому же мы осознали, что за чудовищную ложь, которую от нас ждали, нам рано или поздно придется отвечать. И никакие деньги не компенсируют степени ответственности. В общем, мы решили, что ничего фальсифицировать не будем. Отработаем как положено и привезем фактические результаты. А дальше произошло что-то страшное. Нас было пятеро: три геолога и двое рабочих. Этих рабочих мы не сами нашли, они поехали с нами как бы от фирмы... которая заключила договор с институтом. Сергей первым обратил внимание, что ведут они себя странно. А я – я не придавал значения... Сейчас я понимаю, что они все время внимательно следили за нами, и, когда поняли, что мы врать не намерены, связались со своими хозяевами.

Глеб прервался и сделал несколько глотков из кружки.

– Мы с Сергеем на лодке немного спустились по реке, – продолжил он, – хотели стопроцентно убедиться, что никакой ошибки нет. Как и сысертскита. Третий наш товарищ – Женя Лагошкин работал неподалеку от лагеря. Сысертскита там действительно не обнаружилось, хотя я нашел совсем другое... Но это неважно. Мы с Сергеем разделились, я услышал выстрел, а потом ко мне пришел один из рабочих – Семен – я его увидел сегодня возле вертолета. Он стал в меня стрелять, он хотел меня убить. На мое счастье началась буря, мне удалось от него скрыться и первым прибежать к тому месту, где мы оставили лодку. А дальше я уже плохо помню. Видимо, лодку перевернуло на каком-то пороге, меня выбросило – и все. Потом меня нашел Иван.

– Они убили твоих друзей, – сказала Анна. – И теперь хотят убить тебя.

– Да. – Глеб понурился. – Все это время я думал об этом, надеялся, что Женя с Сергеем живы, что этот Семен просто свихнулся спяну... Нет, теперь я понимаю, что все было запланировано с самого начала. Мы не должны были вернуться из экспедиции. Никто из нас. С-сволочи!..

– Не бойся, – тихо сказала Анна и нежно прикоснулась к его волосам. – Они тебя не найдут. Никто тебя не найдет здесь. Они скоро уедут, а если не уедут – мы их прогоним сами...

Он потянулся к ней, и она неожиданно горячо и нетерпеливо отозвалась на его ласку, словно ждала ее не сутки, а долгие месяцы. И сам Глеб совсем позабыл об усталости, та усталость совершенно не коснулась этих его сил и возможностей. Они не замечали жесткости и неудобства узкого топчана, покрытого каким-то истертым тряпьем. Терпко пахнувшая трава, пучки которой Анна как-то незаметно от Глеба положила в изголовье, будила чувственность. Они любили друг друга, словно в первый раз в жизни, яростно и жадно и, казалось, минули долгие часы, когда они сладко вытянулись наконец друг подле друга.

– Спасибо тебе, – пробормотал Глеб, до краев переполненный любовью, нежностью и благодарностью.

– Не говори так, – сонно шепнула она в ответ. – Я ничего тебе не дала, кроме того, что и так тебе принадлежит. Давай спать, Глебушка.

– Спать, – повторил он. – Спать... – И уснул мгновенно после этих слов.

Сон Глеба был настолько крепок, что он не ощущал даже комариных укусов. Впрочем, может, в ту ночь комары по избушке вовсе не летали – попрятались по щелям, напугавшись величайшего накала состоявшейся человеческой любви.

* * *

После утреннего совещания заместитель начальника управления Гуськов велел Алямову задержаться. Когда за последним из выходивших руководителей отделов закрылась дверь, он спросил Алямова напрямую, без подхода и подготовки:

– Что у тебя с «Восток-холдингом»?

– Ничего, – совершенно искренне удивился Алямов. – А что у меня с ним может быть?

– Сведения в Информационном центре запрашивал?

– Да... Ах вот оно что!

Догадавшись, Алямов презрительно усмехнулся:

– Боже ты мой, неужели они так плотно нас опекают?

– А чему ты удивляешься? – оскалился Гуськов. – Ты разве не знаешь какие семьи кормит «Восток-холдинг»? А Радзин – лучший друг и советник по экономическим вопросам. Газеты, брат, читать надо почаще. Поэтому крыша у него – круче не бывает.

– Собственно, в чем проблема? – поинтересовался Алямов.

– Как раз в этом... Да ты садись, – спохватился Гуськов. Оба они до сих пор оставались стоять. – Мне сегодня знаешь откуда звонили?

– Из министерства? – предположил Алямов.

– Бери выше. Из администрации. Очень вежливо. По голосу – какой-то пацан, по фамилии... ну, это без разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.